

Роль епископа Мануила (Лемешевского) в разгроме обновленчества в Петрограде*

В публикации описывается период пребывания епископа Мануила (Лемешевского) на Петроградской кафедре в 1923–1924 гг. и рассматривается его роль в разгроме обновленческого движения в Русской Православной Церкви, приводятся документы из следственного дела 1924 г., по которому привлекался и епископ Мануил.

Личность митрополита Мануила (Лемешевского) все больше и больше привлекает внимание церковных исследователей. Роль его в истории Русской Православной Церкви в XX в. до конца еще не выяснена. Многие факты биографии остаются темными, а иногда излагаются без должного глубокого изучения. Прежде всего, митрополит Мануил известен как автор «Каталога русских архиереев», поэтому речь о жизни митрополита Мануила хотелось бы начать с его труда и того, что сам митрополит написал о себе: «Мануил (Лемешевский) Виктор Викторович; 1884–1968), митрополит. Обучался на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета. Духовную службу начал в 1910 г. Николо-Столпенской пустыни Тверской епархии. В 1911 г. пострижен в монашество, возведен в сан иеродиакона. В 1912 г. рукоположен во иеромонаха. В 1912–1916 гг. помощник начальника Киргизской духовной миссии Омской епархии в г. Семипалатинске. В 1916 г. поступил в Петроградскую духовную академию. С 1917 г. помощник библиотекаря Петроградской епархии. В 1919 г. назначен настоятелем Свято-Троицкой Сергиевой пустыни под Ленинградом. В том же году утвержден настоятелем домово́й церкви Александро-Невского общества Трезвости. С 1919 г. работал старшим библиотекарем при Всероссийском Центральном Педагогическом музее Главпрофобра Наркомпроса РСФСР. С 1921 по 1923 г. преподавал Священное Писание Ветхого Завета на Богословских пастырских курсах в г. Петрограде. Арестован в 1922 г. по делу «Петроградских братств». 8.09.1923 в Даниловом монастыре Москвы возведен в сан архимандрита. 23.09.1923 хиротонисан во епископа Лужского, викария Петроградской епархии и назначен управляющим Петроградской епархией. С 2.02.1924 по 04.1928 епархией не управлял, находился в ссылке на Соловецком лагере особого назначения. С 25.04.1928 епископ Серпуховский, викарий Московской епархии. С 1930 г. епархией не управлял. С 1932 по 1944 г. в заключении. В 1944–1945 гг. был в распоряжении Тамбовского архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого). С 1945 г. Чкаловский. В 1946 г. возведен в сан архиепископа. В 1948 г. вновь арестован и

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 08-01-00106а).

на десятилетний срок сослан в Потемские лагеря (Явас) Мордовской АССР. В 1955 г. освобожден. С 1955 г. архиепископ Чебоксарский и Чувашский. В 1960 г. назначен архиепископом Куйбышевским и Сызранским. В 1962 г. возведен в сан митрополита. В 1965 г. уволен на покой, согласно прошению, по болезни с правом служения и с пребыванием в г. Куйбышеве»².

Нас будет интересовать небольшой период служения будущего митрополита Мануила в Петроградской епархии в 1922–1924 гг.

Именно этому периоду в изданном в Германии «Каталоге» в житийной справке, которая обычно прилагалась к биографической канве архиерея, приводится статья его духовного сына и близкого сподвижника будущего митрополита Иоанна (Снычёва)³ «Митрополит Мануил и его борьба с обновленчеством и иосифлянским расколами».

Опуская все сверхлестные эпитеты, адресованные митрополиту Мануилу, остановимся лишь на одной цитате: «Петроград в этот период (1923 г. — *Н. К.*) был превращен обновленческими заправилами в очаг активного наступления обновленцев на основы православия. Для многих из православных епископов, а равно и простых верующих вставал вопрос: „Удержится ли православие в Петрограде?“ От этого зависела дальнейшая судьба Русской Церкви. Если Православие в Петрограде восторжествует, то восторжествует оно и в других местах Русской Церкви, а обновленческий раскол потерпит поражение. Если не удержится, то Русской Церкви наступит катастрофа...» и далее «Переход Лавры (Александроневской — *Н. К.*) из раскола воистину был торжеством Православия. С этого момента произошел перелом в самом обновленческом обществе Петрограда и многие потянулись к Православию... **Москва, а за нею и другие города великой России, услышав о победе православия в Петрограде** (выделено мной. — *Н. К.*), и воодушевленные мужеством защитников веры, воспрянули от оцепеневшего малодушия и выдвинули борцов против обновленческого раскола»⁴.

То есть, по убеждению митрополита Иоанна, заслуга в разгроме обновленчества в Русской Церкви 1920-х гг. принадлежит полностью епископу Мануилу. Хотелось бы разобраться более подробно как в заслугах самого тогда еще епископа Мануила перед Русской Православной Церковью в период с сентября 1923 г. по февраль 1924 г., так и в его ошибках, на которых не обращают внимания большинство церковных историков.

Можно было бы отдать должное митрополиту Иоанну как преданному духовному сыну, если бы с превозношением имени своего духовного отца, он не бросал бы тень на все питерское духовенство и не принижал заслуг как Святейшего Патриарха Тихона, так и других мужественных борцов с обновленчеством и, что еще важнее, не подтасовывал исторические факты. Поэтому обратимся к другим источникам. Наиболее часто цитируемым источником по истории обновленческого движения является, безусловно, книга Анатолия Левитина и Вадима Шаврова «Очерки по истории русской церковной смуты»⁵.

В предисловии к швейцарскому изданию авторы пишут, как возникла идея написания книги. Митрополит Куйбышевский Мануил обратился к авторам: «Мы пережили эпоху, насыщенную множеством драматических событий, и вот, умрем мы, несколько человек, оставшихся в живых, и ничего от этой эпохи не

останется. Надо писать работу об обновленческом расколе. **Я знаю, мы с вами разойдемся в оценке многих личностей и событий, но все равно пишите. Только каждую главу присылайте мне.** О средствах к жизни не беспокойтесь. Деньги посылать вам буду ежемесячно...»⁶ Как говорят, кто платит, тот и заказывает музыку. Странно, что митрополит решил, что история обновленчества заслуживает наиболее пристального внимания, и что с этой просьбой обратился к бывшему последовательному и искреннему обновленцу, а не к твердому в православии историку. (Кстати, в 1920-е гг. Аркадий Ильич Кузнецов⁷, духовный сын священномученика Фаддея (Успенского), получил от св. Патриарха Тихона благословение на написание истории обновленческого движения, которую, несмотря на «обстоятельства времени», написал⁸.)

Вряд ли любой автор, описывая историю обновленческого движения смог бы обойти петроградский период служения митрополита Мануила. Надо отдать должное А. Левитину и В. Шаврову, что, отмечая заслуги епископа Мануила, они не забыли отметить и заслуги петроградского духовенства, что совпадало и с оценкой А. И. Кузнецова.

Отметим, что А. Левитин, познакомившийся с митрополитом Мануилом в послевоенные годы, не помнит его деятельности в Петрограде (в частности, в своей работе «Лихие годы»⁹, он епископа Мануила вообще не упоминает).

«Питер — обновленческая колыбель, отсюда вышли все главные лидеры обновленцев, и все они не порывали связь с городом. Мало того. Питер — единственный город, в котором обновленчество имело глубокие корни и занимало довольно крепкие позиции»¹⁰.

В 1922 г. в связи с кампанией по изъятию церковных ценностей были арестованы большая часть русского епископата, был арестован и Патриарх Тихон. В это время при поддержке ГПУ кучка авантюристов захватывает власть в Русской Православной Церкви, образует так называемое Высшее церковное управление (ВЦУ), и возникает обновленческий раскол. Большинство лидеров обновленческого раскола были выходцами из Петрограда. В июне 1922 г. по инициативе обновленцев в Петрограде начался процесс по делу митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина (Казанского)¹¹, который называли еще процессом «Общества православных приходов Петрограда», где были осуждены наиболее активные церковные деятели Петрограда, которые не приняли обновленчества. Результатом процесса был арест почти всего петроградского духовенства, четыре человека расстреляны (ныне все причислены к лику святых).

Кроме того, перед началом процесса по делу митрополита Вениамина, по другому доносу обновленцев, были арестованы и все руководители Петроградских православных братств, которые объединяли большое число православных Петрограда. Среди арестованных был и иеромонах Мануил. Из этого следственного дела стал известен «наиболее полный список братств» и их руководителей, существовавших в Петрограде в то время, который собственноручно «привел в своих показаниях иеромонах Мануил»¹², хотя «почти треть из перечисленных братств, в котором он был секретарем, в общеправославный союз не входила»¹³.

По данному делу проходили и викарные епископы Петрограда, после окончания процесса все арестованные были отпущены под подписку о невыезде, но

в начале 1923 г. все викарные епископы были высланы из Петрограда, а иеромонах Мануил остался на свободе.

Процесс над петроградским духовенством и вынесенный суровый приговор не могли не сказаться на ситуации в городе, аресты, а затем и высылка всех викарных епископов к началу 1923 г., епархия оказалась без возглавления православным архиереем. Обновленчество в Петрограде, где ему впервые был дан мощный отпор митрополитом Вениамином, казалось бы, одержало несомненную победу. Но вскоре ситуация начала меняться.

В 1922 г. епископ Николай (Ярушевич)¹⁴, несмотря на то, что находился под следствием, будучи в исключительном положении, официально не признанный властями, испытывавший недоверие со стороны более ортодоксально настроенных священнослужителей, за короткий срок сумел создать мощную централизованную организацию. Епископ Николай произносил пламенные проповеди, призывая верующих постоять за «истинное православие». К концу 1922 г. число приходов, порвавших с обновленчеством, достигло 65. Борьба за церковную автокефалию превратилась в широкое народное движение. Популярность епископа Николая стала расти, его стали признавать верующие соседних епархий. Но 10 февраля епископ Николай был арестован и сослан на три года в Коми-Зырянский край. Под репрессивными ударами автокефалия начала распадаться.

«Но отдельные выступления православных в Петрограде все-таки были, в обновленческих храмах были нередки инциденты: очень часто обновленческим епископам отказывалось в совместном богослужении»¹⁵.

Так, 21 декабря 1922 г. в Петрограде «собрали собрание всего петроградского духовенства. Были приглашены и автокефалисты, но эти решили туда не ходить... На собрании было 88 человек...

На собрании было решено: 1. Красницкого¹⁶ не признавать как какое-то административное лицо. 2. Поминовение за службами в храме Патриарха Тихона предоставить на усмотрение причта. Этому постановлению предшествовало сообщение Боярского¹⁷, что он в Смольном поручился за духовенство в том, что оно не контрреволюционно и помянуть Патриарха Тихона не будет...»¹⁸

Но коренным образом ситуация не только в Петрограде, но и по всей стране, начинает меняться в связи с освобождением Патриарха Тихона из заключения в июне 1923 г. По всей стране начинается чрезвычайно быстрый спад влияния обновленцев и массовое возвращение верующих и духовенства под патриаршее окормление. С июня по август 1923 г. большинство московского духовенства порвало с обновленческим расколом и вернулось под омофор Патриарха Тихона. То есть вопреки утверждению митрополита Иоанна Православие восторжествовало сначала не в Петрограде, а в Москве, под непосредственным руководством прежде всего Патриарха Тихона и его сподвижников, а потом «восторжествовало и в других местах Русской Церкви».

Освобождение Первосвятителя всколыхнуло и Петроград. Тогдашний «церковный диктатор» города, обновленец А. Боярский отправился в Москву к Патриарху, но Патриарх его не принял. Вернувшись ни с чем, Боярский столкнулся с совершенно иной ситуацией в Петрограде. 10 июля в Петрограде состоялось экстренное пастырско-мирянское собрание, созванное по случаю освобождения

ния Патриарха. На нем присутствовало 268 священнослужителей и 128 прихожан (в то время к православным принадлежало 93 священнослужителя). Вел собрание Боярский, но доклад его постоянно прерывался шумом и криками. Слова же «о будущих планах Тихона» были встречены издевательскими возгласами: «Откуда вы знаете — он же вас прогнал?!» Резолюция Боярского, осуждающая Патриарха, была отклонена подавляющим числом голосов. И собрание постановило «воздержаться от определения каких-нибудь новых отношений к бывшему Патриарху Тихону до решения его дела в гражданском отношении»¹⁹.

15 июля приехал из Москвы Красницкий и его появление вызвало скандал. «Мерзавец! Вон! Руки в крови!» — слышалось при его появлении.

В июле—августе 1923 г. петроградские храмы захлестнула волна демонстраций. Они вспыхивали совершенно неожиданно, по случайному поводу.

Своеобразным проявлением нарастающего народного движения было появление в то время в Петрограде народных проповедников старой церкви — по углам улиц стихийно возникали религиозные митинги.

По словам Левитина, «в 1923 г. была готова почва в Петрограде для возникновения широкого народного движения. Оформление такого движения задерживалось лишь из-за отсутствия признанного вождя»²⁰.

По словам А. И. Кузнецова, «к моменту возвращения Патриарха к управлению Церковью обновленцы захватили (при помощи ГПУ. — *Н. К.*) почти все епархии... В епархиях почти не оставалось православных архиереев: ВЦУ всех непокорных „уволито на покой“, и они проживали на „частном“ положении. Поэтому святейшему Патриарху предстояло, в первую очередь, послать епископов на места для возглавления епархий»²¹.

В августе 1923 г. Патриарх Тихон предложил управление Петроградской епархией епископу Феодору (Поздевскому) с возведением в сан архиепископа. Но архиепископ Феодор отказался, хотя награду принял. (Отказались от назначения на Петроградскую кафедру и другие епископы.)

Летом 1923 г. в Петроград был назначен епископ Мануил, хиротонисанный титулом епископа Лужского, викария Петроградского.

По словам о. Михаила Чельцова: «Назначение Мануила во епископа состоялось по указанию кружка лиц, группировавшихся около протоиерея Михаила (Прудникова)²², при хлопотах Леонида Дмитриевича Аксенова²³ (известного петроградского церковного деятеля). Для громадного большинства питерского духовенства и тем более мирян Мануил был совершенно неизвестен, а поэтому неожиданен во епископстве. Тихо, скромно он съездил в Москву к Патриарху Тихону, и 8 (21) сентября 1923 г. Мануил явился в Питер с назначением викарием Лужским, но **временно** управляющим Петроградской епархией»²⁴. То есть уже после победы Православия в Москве мог появиться петроградский легитимный епископ. И для его деятельности почва была в Питере была подготовлена духовенством и мирянами города. Вероятно, выбор малоизвестного иеромонаха на епископство был обусловлен, тем, что любого более или менее выдающегося представителя петроградского духовенства ГПУ сразу же изолировало, кроме того иеромонах Мануил был близок ко многим обновленцам еще по работе в совете православных братств.

Прибытие епископа, несмотря на то, что его мало знали в Петрограде, потрясло город — «совершенно неожиданно для обновленцев раздался трезвон со всех прилегающих к вокзалу церквей, которые официально числились в ведении ВЦУ» и уже 4 октября 1923 г. епископ Мануил разослал по петроградским храмам воззвание с призывом присоединиться к Патриарху»²⁵.

По словам о. Михаила Чельцова, «время вступления епископа Мануила в управление епархией было весьма смутное и тяжелое. Царило обновление, почти все церкви принадлежали к нему [...] но в сознании верующих уже окрепло сознание, что **в обновлении нет правды; это сознание начало пробиваться и в духовенстве.** К так называемой „тихоновщине“ принадлежали в Питере только 2–3 церкви, ни туда, ни сюда. Мануил выступил сразу многоречивым, смелым, бойким обличителем обновления, громко звал духовенство к Патриарху Тихону, обновление именовал ересью и расколом и объявил, что к Патриарху Тихону могут придти из обновления только через публичное покаяние...

Бойкий, живой, энергичный голос Мануила невольно импонировал, обратил на себя внимание, главным образом, мирян. К нему потекли богомольцы. По приходам эти последние стали влиять на свои причты, требуя от них оставления обновления и обращения к Мануилу. Смутилось и духовенство, стало задумываться, — да и испуг после нашего суда и высылки конца 1922 и начала 1923 г. стал проходить, — зашевелилось оно... Обновлению был нанесен смертельный удар, от которого оно стало хиреть и приходило все в больший и больший упадок и уже не оправилось доселе. Бойкий, энергичный Мануил может почитаться добрым пастырем, поразившим безбоязненно обновленчество. В этом его громадная заслуга пред нашей Церковью. Эту заслугу он сам признавал, но по своему стремительному характеру не удержался, чтобы не перегнуть в нежелательную сторону»²⁶.

Далее о. Михаил пишет то, о чем умалчивают все биографы митрополита Мануила: «Он стал действовать, не обращая, как говорится, ни на что и ни на кого внимания. И прежде всего, возбудил против себя главарей обновленческого движения и за ними стоящую, или дорожившую советскую власть. Известный Тучков²⁷ не иначе звал Мануила, как „горбатый“, и говорил всегда о нем с раздражением. Обновленцы искали случая, чтобы помочь власти упечь его куда следует. Да и немалое количество из нашего духовенства было настроено очень недоброжелательно»²⁸.

Недовольство епископом Мануилом подтверждает и протоиерей Чуков (будущий митрополит Григорий): «На „собрании узников“ посмотрел на здешнее духовенство... Преосв[ященного] Мануила бранят основательно...»²⁹

Причины недовольства духовенства были в нетактичном отношении епископа Мануила к возвращающимся из обновленчества. Требование публичного покаяния, которое предъявлял всем епископ Мануил, настраивало против него духовенство (позднее при встрече с Патриархом Алексием (Симанским), последний с раздражением напомнил епископу Мануилу этот факт).

Но не только нетактичное поведение епископа Мануила настраивало против него духовенство, так, протоиерей Николай Чуков приводит в своем дневнике следующий факт: «22 декабря 1923 г. Сообщил Преосвященный Венедикт³⁰ и одну

подробность весьма характерную, касающуюся нас — бывших заключенных. Он заговорил с епископом Мануилом о том, что есть люди с большим административным опытом, которые могли бы быть очень полезны для епархиального управления и которых к тому же надо бы обеспечить, как и их семьи. — „Вы кого разумеете?“ Преосвященный Венедикт назвал нас — союзников. Тогда епископ Мануил изрек **чрезвычайно характерное для его образа мыслей** возражение: «Да, но они — *опороченные...*» Вот взгляд на нас епископа, который, очевидно, не знает и не понимает, что народ смотрит на нас, как на исповедников <...> Для Церкви мы уже ни в коем случае таковыми (т. е. опороченными. — *Н. К.*) считаться не можем, что на это взгляд гражданской власти, а не церковного общества. Да, утешил...»³¹

У епископа Мануила даже Святейший Патриарх Тихон, по его мнению, был опорочен, так в своей декларации «Новые пути Церкви», он пишет: «Всер[оссийский] Церк[овный] Собор, согласно правил Православной Церкви, обязан обсудить вопрос о предании **формальному церковному суду** Св[ятейшего] Патриарха». Что ж, здесь он полностью смыкается с обновленцами, которые предали Патриарха Тихона суду на своем лже-Соборе.

На следующий день о. Николай записал: «Епископ Мануил подавал рапорт о принятии Боярского с наклоном в сторону весьма благоприятную: что приобретает незаменимого сотрудника по управлению (!)»³². Вероятно, по мнению епископа Мануила, Боярский был не «опорочен».

Вторая ошибка, которая была допущена епископом Мануилом, по словам о. Михаила Чельцова: «упоенный успехом, Мануил стал свысока презрительно относиться к духовенству, всюду обвиняя его, и только его, в обновлении. Он не стеснялся ни местом, ни лицами. Обычно делал эти грозные им не всегда справедливые укоры и попреки духовенству в храмах, за своим богослужением <...> „Вот, прихожане, истые христиане, вы спасаете Церковь, вы защищаете ее от обновленцев, а священники шли в обновление, поддерживали его. Так смотрите же впредь, чтобы снова вас не увлекли в обновление...” Конечно, такие и подобные речи Мануила настраивали против него и расположенных к нему. В них нельзя было увидеть большой опасности унижить в глазах народа духовенство, с потерей перед ним авторитета и уважения к нему»³³.

Далее, по словам о. Михаила, «к ноябрю 1923 года³⁴ был выпущен из тюрьмы епископ Венедикт (Плотников). Съездив в Москву к Патриарху Тихону, он получил от него разрешение служить по приглашению духовенства и прихожан в церквах Питера, почитать себя как старейшего по хиротонии, первым викарием Петрограда и в соборных архиерейских богослужениях первенствовать <...> Но „первенствовал Мануил, но это его заметно стеснило, уступить первенство Венедикту — как будто унижить себя как правящего”. <...> При таком столкновении прав и полномочий между викарными, при отсутствии правящего епископа, естественно стало втягиваться в борьбу архиерейских самолюбий приходское духовенство и даже миряне... Архиерейский авторитет стал падать». Но все-таки о. Михаил отдает должное деятельности епископа Мануила в то время: «Эти нетактичности стремительного Мануила в значительной степени омрачали тогда в глазах его доброжелателей, в числе коих был и я, его энергичный и много-

плодотворный натиск на обновление, давали пищу злым языкам его недоброжелателей и делали его уход более печальным для мирян, чем для духовенства. Об его уходе, аресте Мануила речи были слышны со Святков 1923—1924 годов. Кто-то где-то видел список духовенства и многих мирян во главе с Мануилом, предназначенных к аресту и высылке. Я лично от Мануила слышал о его готовности принять и понести этот крест. В этом отношении Мануил обнаружил свойства и лицо истинного пастыря. Его самая достоверная весть о предназначенном аресте не испугала; до самого последнего дня своей свободы он не уменьшал и не сокращал своей архиерейской работы, он не думал укрыться, уехать куда-нибудь или каким-нибудь путем предотвратить или отдалить тюрьму. Он принимал арест и тюрьму без испуга, мужественно, как Богом определенный ему крест»³⁵.

О том, как епископ Мануил «принимал арест и тюрьму», скажем ниже. Но заметим здесь, что в своем «Каталоге архиереев», митрополит Мануил дает удивительные житийные справки на обновленческих епископов. Если он находил «пятна на солнце» даже у таких великих иерархов, как у архиепископа Илариона (Троицкого), митрополита Петра (Полянского) и других ныне прославленных святых, то довольно лояльно относился к таким личностям, как Александр Введенский³⁶ и Александр Боярский.

О Введенском он пишет: «В истории Русской Православной Церкви является основоположником обновленческого раскола и его ересиархом и апологетом. Был **выдающимся церковным деятелем** и проповедником до раскола, таким оставался в годы раскола»³⁷.

О Боярском митрополит Мануил пишет: «Был одним из активнейших работников в обновленчестве в г. Ленинграде. Умер в Вологде „развенчанным“ митрополитом в конце 30-х годов»³⁸.

Возможно, глубокая внутренняя связь с обновленчеством и их лидерами таилась глубоко внутри самого епископа Мануила.

По словам А. Левитина, в конце января 1923 г. «был досрочно освобожден отбывавший в течении полутора лет епископ Ладожский Венедикт (Плотников). Это неожиданное освобождение епископа Венедикта, видимо имело целью парализовать влияние епископа Мануила, на которого смотрели на Гороховой как на главную опасность»³⁹. Далее в тексте «историков обновленчества» происходит нестыковка. Они подтверждают сведения о. Михаила Чельцова, что между епископами Мануилом и Венедиктом происходят трения, подтверждая свои выводы выходящей в Ленинграде «Красной газетой»: «епископ Венедикт недоволен епископом Мануилом и отвергает старшинство последнего. Дабы предупредить эти раздоры, б[ывший] патриарх Тихон решил назначить митрополитом Ленинградским Серафима (Чичагова), бывшего полковника конного полка»⁴⁰. Назначение митрополита Серафима было вызвано не тем, что между епископами Венедиктом и Мануилом были трения, а тем, что такая кафедра, как Петроградская, требовала, чтобы ее возглавлял достаточно выдающийся иерерх. Вскоре «в конце января епископ Мануил прибыл в Москву и явился к Тучкову для переговоров о делах Ленинградской епархии»⁴¹. Здесь почему-то наши «историки» не задают себе вопроса, зачем он явился к Тучкову, а не к Патриарху Тихону, ведь с ним надо вести «переговоры о делах Ленинградской епархии» (Патриарха

Тихона епископ Мануил посетил, о чем не упоминает А. Левитин). Далее после разговора с Тучковым «смелый» епископ Мануил, «перейдя через дорогу, прошел затем в Наркомат юстиции... и принес официальную жалобу на ГПУ. Красиков⁴² работник Наркомата, заведовавший церковными делами, внимательно выслушал владыку, успокоил, поблагодарил за то, что обратился в Наркомат, и обещал принять меры. В то же день епископ Мануил вернулся в Ленинград. Через два дня в Ленинград выехал Тучков. 2 февраля 1924 г. им был арестован епископ Мануил и около сотни человек, которым приписывалось участие в тайной организации. Большинство своих однопольцев епископ Мануил даже не знал. Через некоторое время епископ Мануил был приговорен к трем годам высылки и отправлен на Соловки»⁴³. Так кратко излагают историю ареста и заключения нанятые митрополитом Мануилом историки обновленческого движения.

При изучении следственного дела, по которому проходил епископ Мануил, и воспоминаниям очевидцев картина происходящего выглядит несколько иначе.

Так о. Николай Чуков 11 января 1924 г. записал: «За Л. Д. Аксеновым следят (с 5-го января): кто к нему ходит, особенно из духовенства, нет ли собраний, поздно ли, как он живет, бывает ли в Москве и т. п. По-видимому, собирается гроза над церковниками. Красницкий и его адепты принимают меры к ликвидации „тихоновщины“. Говорят о возможности в конце января какого-то процесса из массы духовенства и мирян, около 60 человек»⁴⁴. И действительно, уже «в ночь на вчерашний день (3 февраля — 21 января) арестованы...», и далее он перечисляет арестованное петроградское духовенство, среди которых оказался и преосвященный Мануил, «у Л. Д. Аксенова был обыск», но он в эту ночь не был арестован. Через несколько дней несколько человек были освобождены и о. Николай из разговоров с освобожденными делает окончательное заключение, что «инициатива исходит от „живоцерковников“, которым 1) нужно покончить с „мануиловщиной“ и 2) оградить свои интересы, нарушаемые служением по домам»⁴⁵. Позднее, в своем письме «Леонид Дмитриевич писал, что подробности их дела таковы: 1) перлюстрация переписки двух духовных лиц, предававшихся радости по поводу неудач в политике; 2) какой-то устав «Белого Креста», с призывом против власти; 3) открытие какой-то военной организации; 4) связь с католиками и униатами (после отпавшая). Все это к нему никакого касательства к нему не имеет»⁴⁶. «Л. Д. Аксенова подозревают во влиянии на Мануила и Патриарха (знают о его поездке к нему и даже весь разговор его), называют «черным обер-прокурором» и «заместителем Новицкого и хотят изъять его тремя путями: через процесс Мануила, или как «валютчика», или за сношения с границей, откуда... будто бы перехватили к нему письма от каких-то двух лиц. Он не чувствует себя ни в чем виноватым»⁴⁷.

Действительно, епископ Мануил был арестован 3 февраля 1924 г. с группой петроградского духовенства, среди арестованных были и все бывшие члены Спасского братства, которое возглавлял епископ Мануил. Арестованные обвинялись по ст. 61 Уголовного кодекса РСФСР (участие в организации или содействие организации, действующей в направлении помощи международной буржуазии). По данному делу было арестовано 42 человека, все арестованные

миряне были хорошо известны епископу Мануилу. Следствие продолжалось до 26 сентября 1924 г., когда ОСО при Коллегии ОГПУ был вынесен приговор по ст. 67, 69, 73⁴⁸ Уголовного кодекса РСФСР. Епископ был приговорен к 3 годам заключения в концлагерь, и 22 октября того же года был отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения, из которого был освобожден 16 сентября 1927 г.

Это внешняя канва следственного дела.

Но при более глубоком изучении дела, проявляется масса деталей, которые поясняют изложенные А. Левитиным ранее факты. Как любил говорить на допросах епископ Мануил, ему было легче писать свои показания, чем отвечать на вопросы следователя.

4, 5, 28 февраля и 11 марта 1924 г. епископ Мануил был допрошен следователями: ленинградским Макаровым и приехавшим из Москвы Тучковым (подписи последнего в протоколах не значатся). В этих протоколах нет ничего существенного, в основном вопросы касались следующих тем: знает ли он людей проходивших с ним по делу, и какова была деятельность самого епископа Мануила в период возглавления епархии.

27 марта 1924 г., находясь в тюрьме, не дождавшись очередного допроса, епископ Мануил обращается с заявлением к следователю Макарову, в котором он просит рассмотреть его «рассказание» и «декларацию о новой церковной жизни («Новые пути Церкви»)»⁴⁹. В этом же заявлении он подтверждает, что он действительно был у Красикова в Москве, но не в январе, как утверждает Левитин, а 14 ноября 1923 г. Таким образом арест произошел спустя два с половиной месяца, а не на следующий день по возвращении в Ленинград. По словам епископа Мануила, он договорился с Красиковым, что письменно изложит, по его личному мнению, ни много ни мало вопросы, имеющие «принципиальное значение для церковной жизни всей Республики» и попросит власти дать ему, по его словам, «возможность лично разъяснить Патриарху те мотивы и побуждения» его христианской совести, кои подвинули его «на необходимость принятия и осуществления новых путей Церкви». Если внимательно вчитаться в текст декларации, то становится понятным, почему он не очень-то осуждал деятелей обновленческого движения, вся декларация представляет собой именно тот путь для Православной Церкви, который декларировали вожди обновленчества. И это надо было разъяснить Патриарху!

По приезде в Петроград из Москвы епископ Мануил не был арестован, а по его словам, «на первых же днях своего приезда из Москвы в сане епископа я посчитал своим нравственным долгом, пойти навстречу местным властям. Побывал в Смольном, в церковном отделе, был у Прокурора, был в местном райисполкоме (пр[оспект] 25 Окт[ября], ул. Фонтанка) и посетил 6 октября ГПУ. Имел там собеседование с т[оварищем] Коршуновым, которому и выдал обязательство, которое я нерушимо старался соблюдать и, кажется, нигде не нарушил. Я шел всячески навстречу, я искал способов доверия, но еще тогда очевидно не подошел к ним так, как это было нужно» (см. документ № 3). Вероятно, «собеседование с товарищем Коршуновым» придавало смелости епископу Мануилу и вселяло уверенность в том, что репрессии его не коснутся. Остается неразрешенным вопрос, о чем было это собеседование. Возможно, что сотрудничество с ОГПУ

началось не в конце 1927 г., как утверждают некоторые исследователи, а гораздо ранее, и по побуждению самого епископа. Может быть, поэтому и Е. А. Тучков «говорил всегда о нем с раздражением».

Несмотря на то, что А. Левитин и В. Шавров в своей работе не написали об ошибках, указанных о. Михаилом Чельцовым и о. Николаем Чуковым, их работа не удовлетворила митрополита Мануила. Нам неизвестно, что написал о ней сам Мануил, но его отзыв дал повод А. Левитину написать открытое письмо «Ответ критику монаху» (в книге «Рук твоих жар»):

«Я с интересом и пристальным вниманием прочел Ваши замечания на мою совместную с В. М. Шавровым работу по „Истории обновленчества“, — и так как Вы ставите серьезные и принципиальные вопросы, то я отвечаю Вам со всей серьезностью и принципиальностью, на какие способен.

Вы пишете, что я „последователь обновленчества“, а между тем именно Вы, а не я, оказываете ему величайшую посмертную услугу.

Когда Вы осуждаете обновленчество, Вы делаете это исключительно с точки зрения церковных канонов. Соблюдение или несоблюдение канонических норм является для Вас критерием истинности церковности <...>

Я отношусь с величайшим уважением к церковному праву, так как в нем кристаллизовался вековой исторический опыт Церкви. Я также как и Вы, считаю, что каноны являются проявлением благодатной жизни церковной, которая вдохновляется Святым Духом. Можно ли однако, считать, что каноны — это главное в жизни Церкви? Нет, каноны это — не главное <...>

Главное — это духовная, моральная чистота. <...>

Тягчайший главный грех обновленцев не в „неканоничности“ <...> а в том, что они действовали нехристианским, безнравственными методами.

Не то страшно, что А. И. Введенский был женат, а страшно то, что он, будучи епископом, подавал черные списки в ГПУ, требовал лишения сана заключенного Патриарха Тихона, был пособником людей, убивших митрополита Вениамина и хотевших убить Патриарха Тихона <...>

И, прикрывая эти грехи обновленцев, сводя все к нарушению канонов, Вы оказываете им неоценимую историческую услугу „Любимый мною“ А. И. Введенский охотно простил бы Вам Ваши „канонические“ аргументы и никогда не простил бы мне этих строк».

2. «Я не могу согласиться с Вами, когда Вы считаете, что в работе, посвященной истории Церкви, не следует делать экскурсов в историю, политику и литературу.

Церковь существует не только на Небе (торжествующая Церковь не нуждается в земных историках), но и на земле. А Русская Церковь существует еще на Русской Земле. Тысячами нитей они связаны с народом и нераздельно слита с его культурой, социальным строем, литературой.

Особенно это относится к церковной смуте 20-х годов, которая выросла из политической ситуации. Игнорировать социальный фон (антирелигиозную пропаганду, настроение народных масс и т. д.) — это значит заранее отказаться от понимания того, что происходило тогда в Церкви.

Подобное возражение, как мне кажется, вытекает из Вашего (разрешите Вам это сказать) общего неправильного взгляда на раскол 20-х годов. Раскол Вам

представляется лишь каноническим спором, распрей, поднятой несколькими злокозненными раскольниками. Но это глубоко неверно.

Раскол 20-х годов — это своеобразное отражение Русской революции в Церкви. Более того, обновленческое движение — это русская революция со всеми ее трагическими противоречиями, опрокинутая в Церковь, и ни понять, ни правильно оценить раскол в отрыве от политической ситуации невозможно <...>

„Обновленчество” — это карикатура на подлинное обновление Церкви, опошление, вульгаризация великой идеи»⁵⁰. Вряд ли Анатолий Эммануилович, предполагал, что владыка Мануил был в конце 1920-х годов завербован органами государственной безопасности. По данным члена Синодальной комиссии по канонизации святых Русской Православной Церкви, профессора-протоиерея Георгия Митрофанова, владыка Мануил «с конца 20-х годов являлся секретным сотрудником ГПУ, а потом НКВД. Это сотрудничество не спасало его даже от арестов, и всякий раз, выходя на свободу, он панически боялся снова оказаться в лагере. Этот страх побуждал его предавать людей, и он ужасно страдал от этого, будучи глубоко верующим священнослужителем и аскетичным монахом. Десятилетиями он жил в страшном внутреннем противоречии. Когда к нам обратились с запросом о его канонизации, и мы начали исследовать этот вопрос, для нас стало большим потрясением то, какие доносы он писал, мечтая только об одном — не быть арестованным в очередной раз. Вы знаете, это было настолько тяжело, что ничего, кроме сострадания к нему, мы не испытали. Для нас это открытие было совершенно неожиданным, потому что авторитет митрополита Мануила для любого церковного историка был безусловен»⁵¹.

Документы публикуются с сохранением стилистических особенностей оригинала. Написание строчных и прописных букв соответствует источнику.

Вступ. ст. и примеч. *Н. А. Кривошеевой*
Публ. *Н. А. Кривошеевой и Т. И. Королевой*

№ 1

Заявление епископа Мануила (Лемешевского) следователю ГПУ

27 марта 1924 г.

Следователю Л. О. — Г. П. У.⁵²

Мануила Викторовича Лемешевского*
(VI отд[еление] 46 кам[ера])

Заявление.

Прилагая при сем мои дополнительные показания от 12/13 марта и декларацию о новой церковной жизни («Новые пути Церкви») от 10 марта с. г. прошу направить копии последней с копиями стр. 15—17 в извлечениях и 33 стр[аницы] моих доп[олнительных] показаний, в коих я изложил раскаяние** в своих действиях, повлекших за собой судебный процесс церковников Ленинградской епархии по одному экз[емпляру] на имя Председателя ЦИК СССР⁵³ и Заведующего V (Церковным) Отделом НКЮ⁵⁴, т. к. по моему личному мнению вопросы, возбужденные мною в декларации, имеют принципиальное значение для церковной жизни всей Республики.

Кроме того, будучи в Москве 14 ноября прошлого года, я имел разговор с Заведующим V Отд[елом] НКЮ т. Красиковым, из коего я вынес определенное заключение о том, что Государственная власть ждет от Православной Церкви, возглавляемой Патриархом Тихоном, определенной декларации направления своей деятельности.

За краткостью времени и важностью вопроса я до сих пор не мог изложить на бумаге /*** и представить по этому поводу свой окончательный проект.

На намеченном мною на 19—23 февраля с. г. съезде духовенства и мирян Лужского уезда (см. доп[олнительные] пок[азания] стр. 15) я имел в виду предварительно обсудить вопросы, возбужденные мною в декларации, но арест мой 3-го февраля не дал возможности привести в исполнение мое намерение. Ныне я это исполняю, потеряв возможность предварительно обсудить это на указанном первом съезде в период моего управления Ленинградской епархией. Я чувствую всю своевременность и необходимость сих мероприятий, кои мною в уединении предварительного заключения строго и по совести обдуманы.

Если V Отд[ел] НКЮ сочтет необходимым прежде одобрения моей декларации — для Ленинградской епархии — получить отзыв от Патриарха Тихона, как главы Православной Церкви, то я со своей стороны прошу дать мне возможность лично разъяснить Патриарху те мотивы и побуждения моей христианской

* Так в подлиннике. — *Здесь и далее, если не оговорено особо, примеч. публ.*

** Здесь и далее в документах подчеркнуто в тексте епископом Мануилом.

*** Знак перехода на другую страницу в документе. Далее в квадратных скобках указывается номер следующей страницы, проставленный епископом Мануилом в подлиннике в каждом документе.

совести, кои подвинули меня на необходимость принятия и осуществления новых путей Церкви.

Декларация в окончательной форме написана 10 марта, а показания 12–13 м[арта], и все это имеет в виду передать вам до 15 марта, в силу вашего обещания вызвать меня для сей цели в указанный срок. Однако, по неизвестным мне причинам я до сих пор вызван вами не был. Марта 27* дня 24 г.

Мануил (Лемишевский), Епископ Лужский, духовный руководитель православных приходов Ленинградской губернии.

Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской обл. Д. П–82582. Т. 2. Л. 41–41 об. Подлинник. Автограф епископа Мануила (Лемешевского).

№ 2

Декларация епископа Мануила (Лемешевского) по вопросу о взаимоотношении Российской Православной Церкви и советской власти

10 марта 1924 г.

НОВЫЕ ПУТИ ЦЕРКВИ**

I

Христианская религия — религия любви — исторически извращалась подчинившим ее государственным аппаратом, при деятельном участии «Князей Церкви», стремившихся не к осуществлению христианского идеала, а к личным выгодам светского влияния. Современное христианское учение поэтому уже не есть подлинное учение Христа, так как основная заповедь этого учения — «любовь к ближнему» остается прописной моралью, далекой от практического осуществления, а главное, повсечасно попираемой даже служителями Церкви, призванными духовно руководить паствой. В течение уже многих веков христианская Церковь служит одним из орудий для угнетения слабых сильными, бедных богатыми, искусно используя в этих целях учение Христа по букве, а не по духу. Таким образом христианская церковь стала политическим орудием в руках «сильных мира», проповедуя смирение и любовь в ближнему только для угнетенных масс, оправдывая искусным подбором слов насилие сильных мира сего и человекоубийство во всех видах. / [2]

Только отделение Церкви от Государства может способствовать возрождению истинного учения Христа, при наличии христианских добродетелей и подвигов со стороны духовных руководителей масс и при поддержке последних.

Возродившееся учение Христа может и будет при таком положении Церкви духовно содействовать освобождению трудящихся от гнета современного

* Число вставлено черными чернилами.

** Декларация Епископа Мануила Лемишевского, духовного руководителя Ленинградских православных приходов по вопросу о взаимоотношениях Российской Православной Церкви к Советской Государственной власти. — *Примеч. еп. Мануила.*

капиталистического строя, т. е. осуществлению равенства и братства на земле. Учение Карла Маркса, одухотворенное учением Христа, есть идеал земной истинно-христианской жизни людей. Пути, завещанные сими учениями прямо противоположны, но цели и результаты одинаковы. Путь Маркса — физическая борьба, путь Христа — любовь, путь Маркса — государственный, путь Христа — церковный.

Отделенная от Государства Церковь, следуя заветам Христа, не может и не должна принимать участия в освобождении трудящихся государственным путем — путем Маркса, но Церковь так же не может и не должна препятствовать этому пути. «Отдайте Кесарево — Кесарю, а Божие — Богови»⁵⁵, — сказал Христос, указав тем самым на отношение Церкви к Государству, Церковь должна всегда и неуклонно следовать пути Христа для осуществления братства / [3] и любви на земле.

Поэтому Церковь, не принимая участия в политической борьбе классов, идя своим путем, не может не сказать после совершившегося факта Октябрьской революции, что освобождение трудящихся от гнета капитала — есть приближение к христианскому идеалу, но еще не осуществление его. Христианский идеал любви к ближнему в полном смысле этого выражения предусматривает гораздо большее. Он имеет конечную целью Царство Божие на земле, когда не будет «Государства» ни капиталистического, ни социалистического в современном значении этих понятий, когда все люди земли будут составлять как бы одну семью, спаянную любовью друг к другу. Подобный идеал ставит современное политическое анархическое учение.

II

Спрашивается, зачем нужен людям бесконечно длительный путь Христа, при современных научных течениях, более быстро ведущих к тому же идеалу, к той же конечной цели? Такой вопрос сам собою отпадет, если вспомнить историческое культурное значение христианства вообще, воспитавшего целый ряд поколений в духе человеколюбия. Как ни уродовали христианство в течение многих веков, учение Христа все-таки скрыть было невозможно, и оно давало свои результаты из поколения в поколение.

Учение Христа — это учение любви, — воспитало / [4] тех мыслителей, кои дали людям практические пути своего освобождения. Проникнитесь всем существом своим в справедливости и жизненности «закона любви», впервые понятно в общем виде провозглашенного Христом почти 2000 лет тому назад, эти мыслители пользуясь накопленным опытом и научными знаниями, могли преподать практические законы, в соответствии с состоянием современного общества.

С другой стороны, идеал Христианства, как было указано выше, еще не достигнут и, если и будет достигнут, то очень и очень в далеком будущем. Этот идеал безупречен во всех отношениях, а потому проповедь истинного христианства необходима и должна иметь место для воспитания еще целого ряда поколений людей. Эта проповедь более понятна и близка сердцу народных масс, чем научные теории политических мыслителей.

Поэтому церковный путь — путь Христа — всегда будет иметь свое значение в отношении приближения людей к идеалу земной жизни. Необходимо лишь Церкви действительно стать на истинный путь, завещанный Христом. Если сложившиеся исторические обстоятельства в капиталистических странах не дают никаких надежд для подчиненной Государству Церкви, обратиться /[5] ко Христу, то в Советской России Церковь вполне может развить свою христианскую деятельность. Россия ставшая в государственной жизни на путь приближения к идеалу людей, является самой удобной ареной для углубления и осуществления христианских заветов. В этой стране ныне не должно быть никаких препятствий для проповеди истинного христианства. Те трения и разногласия между Церковью и Государством, кои происходят с самого начала революции в России, можно объяснить только и главным образом недоразумениями на почве недоверия друг к другу и для Советской Власти вполне оправдываемого. В самом деле, разве нормально вмешательство Церкви в дела Государства и наоборот, разве Христос заповедовал поддержку Церковью режима угнетения одного класса населения другим, разве это путь Христов, когда Церковь поддерживала царский или буржуазный режимы, когда она разжигала страсти в период последней братоубийственной гражданской войны в России⁵⁶. Глухая и открытая борьба между Церковью и Государством должна быть в конце концов прекращена во имя Христа, иначе Российская Православная Церковь дойдет до тупика, до безвыходного положения для нее. Дальше идти некуда. Церковь должна окончательно и /[6] категорически отрешиться от исторически навязанных ей задач поддержки «сильных мира» и стать на путь Евангелия Христа смело, искренно, решительно, бесповоротно и окончательно. Российская Православная Церковь ныне имеет все данные и благоприятствующие условия стать на этот путь и возвестить вновь Евангелие всему миру, забытое вот уже в течении 16-ти с лишком столетий.

III

Российская Православная Церковь должна поэтому поставить и осуществить след[ующие] ближайшие задачи, а именно:

1) Церковь прекращает всякое, даже косвенное вмешательство в государственную жизнь и отменяет от себя все наносное за предыдущий антихристианский период, исполняя всею своею деятельностью и жизнью Евангельский принцип «Отдайте Кесарево — Кесарю, а Божие — Богу».

2) Церковь возвращает Государству все ценные украшения храмов, ризы и одежды храмовых икон и драгоценности церкви — служительского обихода (ризы, митры и т. д.), так как в храме Христа должны царить такие же смирение и простота, как в сердцах — молящихся /[7] христиан. В окончательной форме, чтобы акт этот выявить в сознании верующих масс, вопрос этот в принципе во всероссийском масштабе должен быть решен на предстоящем Всероссийском Церковном Соборе, но на местах не исключается возможности решать его независимо от высшей Церковной власти и от решения Всер[оссийского] Церк[овного] Собора, если в принципе Церковная высшая власть его одобряет считает своевременным* .

* Ввиду того, что это действие Церкви явилось бы актом добровольным, то практическое

3) Во избежание нарушения церковного мира и единения — все вопросы разногласия внутри Православной Церкви, что главным образом относится к новому течению церковной жизни — живоцерковному и обновленческому, должны быть сейчас отложены впредь до созыва Всер[оссийского] Церк[овного] Собора.

Но это не исключает возможности и необходимости ради пользы Церкви и «мира и любви ради» принимать в лоно Церкви, с согласия высшей Церковной власти — на условиях и основах / [8] Унии (до Всер[оссийского] Церк[овного] Соб[ора]) все те отдельные церковные организации и течения, которые в данный момент не считают себя в степени подчиненности и зависимости от Православной Церкви, возглавляемой Патриаршим Правлением, но которые пожелали бы ради сохранения сих принципов Христовой любви объединиться с канонической Церковью.

4) Не ожидая Всер[оссийского] Церк[овного] Собора, Церковь преобразует существующие приходские организации (т[ак] н[азываемые] «20»⁵⁷ с Приходскими Советами) в христианские общины и открывает новые, на основе истинного христианского учения, спаянные любовью к Богу и друг к другу.

5) Церковь испрашивает у Правительства разрешение на Созыв Всероссийского Церковного Собора, с участием на нем епископата и выборных от духовенства и мирян, не запятанных убежденным служением режиму угнетения народных масс. Предстоящий Собор должен в первую очередь обратиться к восточным патриархатам и автокефальным церквам православным с предложением о созыве Вселенского Православного Собора, на коем подлежат рассмотрению общие вопросы Православной Церкви, в том числе и вопросы о скорейшем переходе / [9] на новый стиль, о двоебрачии духовенства, о женатом епископате и пр[очее].

Всероссийский Собор должен, кроме того, выработать схемы новой организации Российской Христовой Церкви, реформу приходской общины, регламентировать новые формы быта духовенства (ношение светского платья и проч.), решить вопросы об уничтожении всяких наград для духовенства, об упрощении внешней формы богослужения, с приближением ее к древнехристианскому, с упразднением пережитков царского византизма.

Всер[оссийский] Церк[овный] Собор, независимо от решения тех или иных вопросов церковной жизни или местных церковных нужд, должен определенно выявить свое отношение к главе Православной Российской Церкви, Святейшему Патриарху Тихону. Он должен заслушать патриаршие отчеты за периоды его управления Российской Церковью от 1917 года до апреля 1922 года и от июня 1923 до момента открытия Собора⁵⁸. Всер[оссийский] Церк[овный] Собор, согласно правил Православной Церкви, обязан обсудить вопрос о предании формальному церковному суду Св[ятейшего] Патриарха или о прощении ему всех упущений и ошибок по церковному водительству, в силу общих условий поли-

осуществление его возможно было бы выявить образованием особой «Согласительной Комиссии» — в составе представителей Церкви и Государства, которая и установила бы общие принципы срока и способов осуществления сего пожелания. — *Примеч. еп. Мануила.*

тически государственных (освобождение его из под стражи — из-за раскаяния в своих заблуждениях за период 1917—1922 годов)⁵⁹. / [10]

IV

Новые церковные пути, изложенные в предыдущих пунктах, ни в коем случае не являются нарушением незыблемости канонов Православной Вселенской Церкви и православно-христианской догматики, не являются актом нарушения сыновнего послушания вообще по отношению существующей духовной иерархии Российской Православной Церкви.

Они зиждутся на безусловном признании существующего ныне патриаршего строя Российской Церкви во главе с Патриархом. Впредь до созыва Всер[оссийского] Церк[овного] Собора они должны в данный момент осуществляться только в тех вопросах, проведения в жизнь которых подлежит компетенции местного правящего епископа, согласно правил Православной Церкви и существующей церковной практики.

Христианские общины, о которых упомянуто выше, должны иметь главной целью — духовную и материальную помощь во имя Христа угнетенным и бедным для достижения полного равенства своих сочленов и распространение христианских идей для постепенного проведения в практическую жизнь полного духовного и материального равенства на земле. / [11]

Как священнослужители, вступающим в данную общину, так и члены ее обязуются в проповедях, беседах, лекциях, диспутах, в своих поступках и в личных своих отношениях с верующими совершенно не касаться и не допускать никаких выпадов против служителей и верующих других каких бы то ни было религиозных культов, а для обращения в Православие пользоваться исключительно разъяснением христианской сущности православного вероучения.

Членами христианских общин могут быть искренно верующие православные христиане и принимающие истинное учение Христа, т. е. имеющие в себе силы не на словах, а на деле проводить в жизнь полное равенство и братство не только в духовном, но и в материальном отношении.

Поэтому не могут быть членами таких общин лица живущие на нетрудовой доход или эксплуатирующие труд людей. Также не могут быть членами этих общин лица, могущие вовлечь Церковь на путь политической борьбы, имея в виду, что внутри Церкви не может быть никакой политики.

Подробности вступления верующих в члены общин и организация таковых должны быть / [12] точно изложены в Уставе, разрабатываемой группой инициаторов* .

Христианские общины возвращаются к выборному началу общественно-должностных лиц: рукоположение священнослужителей из них совершается на

* В отношении общих положений о сих общинах несомненно придется считаться с существующим уже уставом т[ак] наз[ываемой] «Хр[истианской] труд[овой] Ком[мунистической] Общины», отпечатанном в № 1—2 «Соборного Разума» за 1923 г., который потребовал бы на первое время мало каких-либо изменений, на практике не без успеха применяемый уже во многих таких хр[истианских] общинах Ленинграда и в разных местах Советской России и объединяемых Е. Х. Белковым⁶⁰ как общинным епископом.— *Примеч. еп. Мануила.*

общих основаниях существующей канонической практики местными епископами.

Взаимоотношения между общинами и своим епископом выявляются только в вопросах удовлетворения общины ставленниками, богослужениями в соучастии с епископом и общим духовным руководством жизнью общины.

Таким образом, намечаемая реформа внутренней церковной жизни совершенно преобразует епархиальный аппарат, делая, его / [13] уже измененным в тех рамках, в которых работал он до сего времени, так как вся работа делопроизводительного характера должна составлять часть общей работы христианских общин.

V

Намеченная реорганизация церковной жизни в пределах епископской власти должна проводиться немедленно, не ожидая Всер[сийского] Церк[овного] Собора, так как пути намечаемые сей реорганизацией указаны Христом и Его апостолами. Однако для направления Церкви по новому пути и первоначально-го проведения сих мероприятий, во многих случаях коренным образом разрушающих исторический уклад церковной жизни, требуется энергичное, смелое и преданное делу руководство со стороны канонической епископской власти.

Следовательно, тот епископ, который целиком безоговорочно принимает указанные выше основные положения, и может повести за собою паству, должен немедленно проводить их в жизнь.

Так как я, как правящий епископ Ленинградской епархии, являюсь инициатором сей новой церковной жизни, то при предоставлении / [14] мне возможности, приемлю на себя дерзновение с упованием на милость Божию, немедленно приступить к осуществлению сих путей в пасомой мною епархии и предоставить сии соображения Св[ятейшему] Патриарху на предмет распространения их среди православных христиан.

Одновременно с сим представлением, буду считать своим долгом указать тот тип Архипастыря, каковой может осуществить на практике, новые церковные пути.

Таковым может быть только тот, кто вмещает в себе кротость, смирение, кто воплощает доброго Пастыря своих овец, Апостола истинной, а не ложной любви, отца вдов и сирот, друга всех несчастных, униженных и оскорбленных, утешителя всех скорбящих и надломленных, кормителя всех голодных и бедняков, защитника и слуги всех угнетенных и трудящихся⁶¹.

В этом идеале опрощения жизни Епископа и приближения его к верующим массам лежит один из главнейших залогов благоденствия Церкви, построенного не на страхе и раболепстве иерархическом, а на смирении, простоте и любви. / [15]

Но и священнослужители общин должны поэтому явить собою идеал самоотверженного служения на пользу своему ближнему.

Они должны добровольно и бесповоротно отказаться от наград и внешних знаков отличий, предоставив решение этого вопроса в окончательной форму Всер[оссийскому] Церк[овному] Собору, так как такие отличия сами по себе в

текущий период церковной нашей жизни не целесообразны. Они должны пребывать в единении со своим епископом, следуя намеченной программе и, в частности, стремясь к поднятию общего нравственного уровня всего духовенства и клира, искоренением взаимной зависти и вражды.

Приходы и священнослужители, которые, несмотря на убеждения своего епископа и проповеди истинного христианства на основе вышеизложенных христианских новых путей Церкви, не приемлют таковых, после установленных Церковью увещаний отлучаются от таковой по завету апостолов («Аще и Церковь преслушает будет тебе яко язычник и мытарь»⁶²). После чего, впредь до возвращения в лоно Церкви, всякое каноническое общение таковых приходов и священнослужителей с епископом прекращается / [16].

Обновленная и реорганизованная церковная жизнь должна безоговорочно принять существующий государственный строй, помятуя завет апостольский «несть же власть, аще не от Бога»⁶³, Марта 10 дня 1924 г.

Мануил, Епископ Лужский, духовный руководитель православных приходов Ленинградской епархии.

Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской обл. Д. П–82582. Т. 2. Л. 42–49. Подлинник. Автограф карандашом.

№ 3

Дополнения к показаниям епископа Мануила

12–13 марта 1924 г.

Дополнение к показаниям моим от 4, 5, 28 февраля и 11 марта 1924 года.

Насколько мне удалось выяснить из вопросов судебных следователей гг. Тучкова и Макарова⁶⁴ и на основании предъявленного мне 16 февраля обвинения по ст. 61 Уголовного Кодекса⁶⁵ за доказанные контрреволюционные деяния, главным мотивом обвинений против меня служат: мое пособничество международной буржуазии, то обстоятельство, что в период своей деятельности церковной в звании епископа я был окружен белогвардейским элементом, что я больше был другом богатых, а не бедных, что я в своих проповедях допускал скрытые выражения против современного государственного строя, что я имел при себе Спасское братство⁶⁶, как организацию нелегализованную, что я из смерти и похорон священнослужителя Ал[ександра] Дернова⁶⁷ допустил демонстрацию, принимая в ней активное участие и что старался способствовать материальному поднятию б[ывшего] свечного епархиального завода, ныне под названием «Красный пламень», арендуемого Л. Д. Аксеновым.

Мне кажется, что происхождение мое (я сын чиновника отст[авного] стат[ского] сов[етника], каковых в масштабе теперешнего времени нельзя от-

носить в массе своей к буржуазии, а скорее к трудящимся. И мое прежнее общественное и постоянное тяжелое материальное положение не могут ничего сказать в пользу первого обвинения — в пособничестве / [2] международной буржуазии, с которой я ничего общего никогда и не имел. Мне кажется, чтобы быть главарем какого-либо движения, необходимо иметь и соответствующие положение и средства. Ни первого, ни второго я не достигал и не стремился никогда к этому, не имея средств, не имея знакомств представительства, да наконец, в силу природных качеств своего характера всегда вообще избегал какой-либо активной деятельности даже на церковном поприще в периоды до и после революционные.

Что касается моей сестры Веры, проживающей со своей семьей в Риге, то с нею я никогда и не переписывался и даже адреса ее не знаю. Вообще ни с кем решительно не вел переписки, тем более с кем-либо из-за границы* .

Целый ряд современных церковных деятелей, известных ныне своим реформистским течением своей [церковной] деятельности (так, напр[имер], А. И. Венденский, В. Н. Львов⁶⁸ и др.) вышли из среды интеллигенции и аристократии. Ведь им поправка в их происхождении и родстве с ср[едними] в[ысшими] классами нельзя ставить, как людям, отрешившимся от своей прежней идеологии и перешедшим на новый путь государственного и церковного строительства. Точно так же я хотел бы ту же рамку этой оценки вопроса о моем происхождении применить и к себе. Наша семья была многочисленной. 8 человек детей должны были родители поставить на ноги, а это было трудно, и мы всегда испытывали нужду. Это заставляло всех детей старших, подраставших, постоянно искать на стороне занятий уроком, каковые и мне приходилось давать начиная уже приблизительно с 6-го класса Либавской гимназии, т. е. с 16-[ти] летнего возраста. Эта жизненная материальная лямка не прекращалась у меня вплоть до 1909 года, когда я, помню всего один год был без занятий и не мог тогда, будучи старшим сыном, помочь уже болевшему постоянно, дряхлевшему отцу. / [3] Мог ли я после всего этого быть другом богатых и знатных и сильных мира сего, когда эти переживания постоянной нужды заправили во мне чувство ненависти к тем, кто обладал достатком и жил без забот. Я был за весь тот период жизни вплоть до поступления в монастырь (Н[иколо-]Ст[олпенская] п[устынь] близ В[ысшего] Волочка Тверской губ.), т. е. до апреля 1910 года, постоянно трудящимся и интеллигентным пролетарием, с затаенным чувством обиды на тех, кто будучи нанимателем моего труда, эксплуатировал его и попирали во мне чувство человеческого достоинства, иногда даже оскорбляя и унижая.

Я не жил в нищете, но всего что имел добивался с трудом. Даже необходимую верхнюю одежду (студенческое и статское платье, и пальто закладывал в рассрочку у портного Берштайна (живет, кажется, на углу пр. Красных Зорь и Песочной на Петр[оградской] ст[ороне]), который имел свое дело на Садовой близ Публ[ичной] Биб[лиотеке].

При поступлении в монастырь я руководствовался сл[едующим] принципом — избрать себе самую бедную и малоизвестную немногочисленную общежительную пустынь. Самым бедным монастырем в то время в Тверской губ., куда

* Абзац вписан на полях листа.

я наметил ехать, считался Николо-Столпенский. Выбор мой на нем и остановился*.

В монастырь поступил в апреле 1910 года, имел при себе всего 3 р[убля] 50 коп[еек] денег, к[оторые] и отдал настоятелю. В мон[астыре] прожил до июня 1912 года в обстановке самой трудовой жизни, лишенной, по принципу общезжития, всякой собственности и денег. Проходил все послушания, и полевые, и внутри монастыря. В сущности, так этот период жизни прошел самым знаменательным для меня, т. к. здесь впервые мне пришлось на практике монастырской жизни / [4] наблюдать осуществление на земле коммунальных начал (отсутствие своей собственности, даже в одежде и обуви, общая трапеза, отсутствие при себе денег и запрещение их иметь) и приближение людей к социальному равенству. Моя дальнейшая церковная деятельность с осени 1912 по август 1916 года протекла уже в монастырской деятельности в Заречной Слободке, пригороде г. Семипалатинска. Все четыре года моей жизни там были служением ближним, бедным, защите униженным, и почти, все, что я получал как жалование (67 р[ублей] в месяц), уходило иногда на покупку бедным муки, обуви, на лекарства и т. д. В период военный — мне пришлось на этой почве даже значительно пострадать от местного епископа Киприана (Комаровского)⁶⁹, который в ноябре 1915 года, после одной из моих проповедей, направленных против богачей, душивших в то время бедняков поднятием цен на важнейшие продукты питания (хлеб и т. д.) — запретил мне говорить таковые, впредь пока я не стану ему заблаговременно представлять их на рассмотрение, т. е. на цензуру. Я отказался от такого насилия над духом и свободным словом человека, т. к. никогда не имел привычки писать свои проповеди до произнесения их. В результате этого, как сам Епископ говорил, один из лучших проповедников Омской епархии замолк. 9 с лишком месяцев я не произнес ни одной проповеди после того шума, к[оторый] произвела эта моя проповедь, направленная против местных миллионеров Плещеева, Афонина и др[угих] богачей, и только 6 августа 1916 года, при прощании с народом перед своим / [5] отъездом в Россию для поступления в Ленинградскую духовную академию я высказал верующим все то, что во мне наболело за неполные 9 месяцев вынужденного молчания. Я уверен, что среди жителей Зар[ечной] Слободки есть и сейчас в живых свидетели, которые могли бы подтвердить подлинность этого факта, ставшего для местного народа, даже в некотором смысле историческим, ибо мне пришлось быть лицом страдательным с уязвленным самолюбием и вынужденного послушания своему епископу и начальнику.

Я еще раз повторяю, что я не был другом богатых. И эти черта оскорбленно-го, унижавшегося самолюбия сказала в том, что когда меня попросили занять место священника в Спасской домово́й и очень бедной церкви (Спасская, 27), заброшенной во дворе в темном помещении б[ывшей] здесь до нее типографии, я с радостью принял это предложение и проработал в ней вплоть до ее закрытия в апреле 1923 года.

В этой церкви к моменту поступления моего вся жизнь приходская как бы замерла. Пришлось расширить совсем захиревшее дело столовой, кормившей по воскресным и праздничным дням всех нуждающихся, без ограничения религи-

* Абзац вписан на полях листа.

озных верований и соц[иального] положения; почему столовую / [6] посещали и католики, и татары. И несмотря на тяжелое продовольственное положение Ленинграда за период 1919—1922 годов, в этой столовой жизнь не прекращалась. Продукты стекались отовсюду, прихожане, бывшие активными работниками по церкви, сами привозили дрова, привозили с огородов капусту и овощи, заготавливая в кухне столовой их впрок на зиму. Число кормившихся, колебавшееся при моем вступлении в эту церковь между 10—15 человек, превысило в последний год 70 человек, и это несмотря уже на то, что в последний год обеда, начиная с марта 1922 года стали выдаваться ежедневно. Находились добрые души и шли навстречу этому делу, кто средством, продуктом, кто личным и в большинстве бескорыстным трудом.

В период борьбы с голодом на Поволжье, наша столовая из приходских, по общему количеству ежедневно отпускаемых обедов стояла на первом месте и, в частности, отчет о ее деятельности за тяжелый период жизни страны за первые три месяца ее питания голодающих мною был в свое время представлен защитнику при С. Бычкове⁷⁰, по процессу церковников в 1922 г., т. к. инициатором открытия благочиннической столовой являлся Бычков, и он же предложил тогда духовенству такую столовую открыть в Спасской [церкви], где все было уже для этого налажено и приспособлено.

Мне все дни и недели приходилось рыскать / [7] по городу, закупать продукты, в кооперативах, Пеко и др[угих] учреждениях, покупая сухие дрова, разыскивая их на местах слома старых домов и личным трудом принимать участие в приемке и нагрузке их на подводы, что могут подтвердить прихожане церкви, лично участвовавшие со мною в этих работах (Фекла Уланова, Василиса Дмитриева, Екатер[ина] Новожилова, Матрена Кунцевич, Пелагея Комиссарова⁷¹ и др[угие] лица исключительно пролетарского происхождения, все бывшие прислуги господские, некоторые из них даже бывшие в то время безработными.

В разгар этих работ по столовой я был арестован 29 июня 1922 года в ГПУ по делу № 833 (о братствах)⁷².

При личном допросе моим судьей Ревтрибунала т. Лютером, выяснилась, как он сказал, моя невиновность, т. к. братство Спасское, организация которого при Спасской домово[й] церкви, в 1920 г. ставилась мне в вину, было открыто с ведома пр[иходского] Совета и 20-и сей церкви и действовало все время открыто, исключительно в пределах церковной благотворительности (как-то, столовая для голодающих, помощь бедным на местах их проживания и в больницах и т. д.). / [8]

Мне ставится в вину и то обстоятельство, что я, став епископом, окружил себя элементом неблагонадежным (белогвардейским), при чем, главной фигурой их являлся Н. Н. Поляков⁷³, бывший полковник, кажется. Что касается последнего, то мне хотелось здесь сказать след[ующее]. Откуда произошло мое знакомство с ним и при каких обстоятельствах. Оно было приблизительно в марте 1923 года, незадолго до закрытия церкви. Он стал часто посещать нашу церковь, т. к. ему нравилось в ней ее скромность, простота, бескорыстие священников ее (все требные деньги у нас в церкви шли не лично священ[нослужителям] на руки, а поступали в ц[ерковную] кассу, затем которая и выдавала ежемесячное воз-

награждение служителям церкви) и благолепие церковной службы, лишенной всякой торопливости и ремесленничества. К моменту закрытия нашей ц[еркви] он стал еще ближе в том отношении, что помогал советами изыскивать способы ее безболезненной ликвидации. Это благодаря его личному физическому труду в дни ее полной ликвидации и удалось провести так, как хотелось. Все имущество по описи принятое властями, поступало в те учреждения, к[оторые] намечал для этого представитель власти. Лично я участия в этой ликвидации не принимал совершенно, исполнив свой долг тем, что все имущество церкви заблаговременно сдал по описи уполномоченному района. /19]

В дальнейшем Поляков не пожелал расставаться с нашей братской дружной семьей прихожан, некоторые из которых были основателями и учредителями сего храма еще в 1904 или 1905 году, и несмотря на то, что все знали, что он из б[ывших] офицеров, ни он, ни прихожане не делали себе никакой разницы в отношениях с ним, т. к. его преданность нашему храму сказалась в его постоянной помощи и в сочувствии постигнутому горю — потере храма. Такое положение его, как простого прихожанина вплоть до июля месяца того же 1923 года, когда ему, благодаря переговорам с членами «20» Козьмо-Дамиановской ц[еркви] удалось через некоторое время взойти в состав «20» и на этом уже основании работать для возможной передачи сей церкви в руки православных священников. Это удалось около середины августа и все наши прихожане вновь начали посещать сей храм. В этом храме он являлся, кажется, еще членом Ревиз[ионной] Комиссии, касался чисто деловой стороны свечно-денежного ящика, имея по вопросам платежей всегда переговоры с др. членами Пр[иходского] Сов[ета] «20» и ее председателем.

Я с 29-го Сентября был назначен в ц[ерковь] настоятелем и получал из нее, в счет своего жалования, к[оторое] мне было определено, кажется, в размере 10 миллиардов, сумма /10] денег на предмет своих первых двух поездок в Москву.

Как личный секретарь при мне, как епископе, он не работал и таковым я его не рассматривал никогда. В первый период моей епископской жизни, пока я числился официально настоятелем К[осмо]-Дамиановской ц[еркви], он заходил ко мне довольно часто, и по большей части, с книгой Гидулянова «Церковь и Государство»⁷⁴ для разъяснения приходившим ко мне священникам и представителям приходов — мирянам — вопросов церковной практики, к[оторая] применялась нами к К[осмо]-Дам[иановской] церкви, а затем, после отобрания К[осмо]-Дам[иановской] ц[еркви] и передачи ее новому составу «20», его посещения стали все реже и реже, и в последнее время бывали недели, когда он не приходил ко мне лично, а просто иногда забегал и спрашивал дома, нет ли чего от Епископа, и, получив отрицательный ответ, опять уходил. Было несколько его посещений связано с вопросом перехода группы наших Спасских прихожан в Успенскую церковь на Жуковой ул. (угол Надежд[инской]) и когда наши бывшие Спасские певчие организовали в этой церкви ранние ежедневные ранние обедни, и я стал чаще посещать и служить в этой ц[еркви], то по всем вопросам церковн [далее неразбочиво] я уже переговаривал с Поляковым здесь, после службы, уже не нуждались в его приходе на квартиру. /11] Поляков в церковной сфере работал всегда открыто, на виду, в политических разговорах не касался

(и я таких вообще всегда избегал с кем-либо заводить), и мне часто казалось, что он, хотя и б[ывший] офицер, но в политическом отношении в сфере церковной его работы по тем церквам, где ему приходилось работать, не представлял, прямой опасности в смысле навлечения на себя подозрения со стороны правительства, тем более, что лично я его мало знал и за все время знакомств с ним был у него на кв[артире] раз 5 и то недолго.

Я его знал, как человека без особых средств, живущего на распродажу своих вещей, как безработного, не могущего найти себе работы.

Что касается поручений, к[оторые] я ему иногда давал, не отрицаю, что я просил его вести переговоры с Губисполкомом относительно разрешения мне канцелярии. Впрочем, начало сих хлопот и в конце декабря направление моих отношений по этому вопросу, я проделал лично [сам], быв оба раза у заведующего ц[ерковным] отделом т. Смирнова. В начале янв[аря] [19]24 г. он ездил в Губ[ернский] Исполком узнать результаты моего ходатайства, но определенного ответа не привез.

Поручал я ему, как настоятель К[осмо]-Дам[иановской] ц[еркви], не помню, что именно, но некоторые вопросы и дела. / [12]

Но в общем, характер его деятельности при мне всегда носил случайность, а не систематичность, т. к. не было такого постоянного дела, которое я препоручал бы ему, как епархиальный епископ.

Вспоминаю, что я ему сдал на хранение, в течение нескольких раз передавая, приглашения приход[ских] Советов на архиерейские богослужения — те заявления приход[ских] Советов, к[оторые] подавались мне на изъявление признания меня правящим епископом. При чем я всегда указывал на то, что когда будет получено от Губисполкома разрешение на канцелярию (а прямого отказа в этом я не получал впредь до начала 24 года), то все эти отношения должны быть подобраны и занесены в входящий ж[урнал] и подшиты. Для хранения их предложил папку, для будущего вход[ящего] журнала передал ему как-то неиспользованную тетрадь — книгу. Кажется, в пределах этого и ограничивались с ним наши отношения.

Но, повторяю, знал и то, что* иногда, подсмеивался над этим обстоятельством над тем, что хотел мне и Полякова всучить на роль какого-то друга или советника, отрицая категорически и постоянно в лицо всем тем, кто называл Полякова моим личным секретарем, что он — не мой секретарь, что я не имею секретаря, справляя главную работу сам без посторонней помощи / [13] Полякова я всегда рассматривал не как представителя высшего общества (да и сама его фамилия это доказывала) или крупной буржуазии, а как рядового офицера бывшего, который на войне кажется и очевидно и заслужил все чины вплоть до своего полковничества или подполковничества. Для меня во многих случаях он рассматривался как ценный церковный работник по внутренней церковной жизни (Спаской, Козьмо-Дамианской и Успенской церквей).

Что касается моей деятельности как епископа за четырехмесячный период (с октября по январь 24 года), то и в ней в своем образе жизни я старался про-

* Далее зачеркнуто: А. И. Введенского окружает преданной ему (несомненно из высшего общества) б[ывший] кн[язь] Масальский.

водить ту же простоту, которая была всегда присуща мне, и был всегда с утра до вечера, как дома, так и в храмах, где совершал богослужения, доступен и всегда большое внимание уделял бедствующим и нуждающимся. Бывали дни, когда я к вечеру, чтобы выехать на трамвае на очередную службу, не имел даже денег на билет, все роздано за день нуждающимся бедным.

Во имя экономии церковных расходов и трат прихожан на прием епископа отказывался от архиерейских трапез, обедов и ужинов, запрещал в большинстве случаев таковые устраивать, а некоторых случаях деньги, предназначенные на трапезу, просил раздавать бедным данного прихода. Поэтому весьма часто отказывался от услуг экипажей и саней, — приезжая на трамвае к месту службы, не стесняясь расстояниями, ходил и пешком на службы. / [14]

В жизни своей я никогда не стремился к карьере. Доказательством этого может служить и то, что я пробыл в звании иеромонаха одиннадцать лет (с 1912—1923 гг.), от митрополитов и епископов ленинградских за период своей жизни в Ленинграде держался всегда в стороне. А епископское звание от Патриарха принял как послушание монашеское. Пышность и торжественность служб архиерейских я всегда в жизни своей избегал, а здесь пришлось идти по пути традиций церковной жизни с болью в сердце. И вот, когда я достиг вдруг так быстро высшего церковного звания, у меня уже тогда стало назреть желание многое из того, что мне не нравилось в жизни церковной, изменить и дополнить. То, чего я не мог бы никогда добиться в звании иеромонаха, стало возможным с получением сего высшего звания и назначения. Эти мысли, высказанные в моей статье «Новые пути Церкви», поданной следователю Макарову в отдельных своих пожеланиях неоднократно высказывались мною в предыдущие годы.

В ноябре месяце в 1923 г.⁷⁵, в мою бытность в Москве, я имел довольно продолжительную беседу с т. Красиковым, который мне тогда предложил подать декларацию свою и поскорее от слов перейти к делу. Мысли эти меня никогда не покидали и постепенно я их высказывал в кругу прихожан и священников.

Неоднократно, вскользь, упоминал духовенству / [15] относительно церковных ценностей, которые целиком необходимо отдать государству, заменив сосуды — малоценными или стеклянными. Насколько, помню в середине января на эту тему говорил с прот[оиереем] Дмитриевским⁷⁶ из Никольского Собора. Приблизительно между 20—25 января сего года имел беседу со свящ[енником] Вознесенской церкви И. Чокоем⁷⁷ относительно необходимости перемены политики церковной и своевременности образования Христианского Коммунистического Союза. Говорили на эту тему как бы в предварительной форме, но я имел в виду этот вопрос поставить и на намеченном мною съезде Лужского уездного духовенства и выборных от мирян, ходатайство о разрешении которого на 19—23 февраля с. г. было подано от моего имени заблаговременно в Лужисполком прот[оиереем] А. Ливанским⁷⁸. А затем, произошел мой арест, который сразу нарушил многое намечавшееся мною к проведению в церковную жизнь даже в ближайшее время. Теперь, конечно, обозревая свою прошлую епископскую деятельность с точки зрения трезвого мышления, при обстановке тюремного морального одиночества и сосредоточенности в переоценке пережитого и содеянного, с болью в сердце должен сознаться и в том, что в некоторых своих / [16]

действиях и словах, послуживших мне виною в предоставлении на меня обвинительного материала, я откровенно сделал ошибки и промахи, которые в моменты их совершения и не учитывал, а некоторых случаях сам послужил источником недоверия ко мне со стороны Правительства, в виду неясного выражения своих действий истолкованных чрез это в сторону отрицательную для меня. В частности, это касается приближения ко мне б[ывшего] офицера Н. Н. Полякова, участие в отпевании и погребении священнослужителя А. Дернова, бывшего протопресвитера придворных церквей и некоторых моих проповедей, в которых я недостаточно ясно оттенял свои отношения к существующему государственному строю. Но об этом впереди, т. к. это касается исключительно некоторых моих неудачных выражений об живоцерковниках*. На отпевание и погребение Дернова я дал согласие потому, что этого пожелало его семейство, это с одной стороны, а второю причиною было то обстоятельство, что я хотел ему отдать свой последний долг как священнику, с которым я часто служил раньше. Не имея своей церкви, с марта 1922 года он весьма часто приходил служить в Спасскую домовую ц[ерковь], а по закрытии ее, служил со мною в К[озьмо]-Дамиан[овской]. ц[еркви], и, наконец, он, болея сердцем о нуждах Ленинградской церкви, не имевшей своего православного епископа / [17] хлопотал о таковом у Патриарха в бытность свою в Москве в конце августа и там указал в числе других и меня, как кандидата в епископа. В похоронной процессии участвовал потому, что предварительно осведомился у настоятеля церкви, о получении на это разрешение. Но той грандиозности похорон, которая выявилась на деле, и не предвидел, начиная свою службу. Я отдавал ему долг, как священнику и как старому человеку, но никак не думал, что мое участие в этом деле могло быть рассмотрено с точки зрения политической — как отпевание бывшего служителя придворного. Этого я и в мыслях не имел. Но дело было сделано и теперь несу свой ответ. Да, я сделал политическую ошибку и невольный вызов допустил против правительства. Отпевая, хотя и старого и лично мне знакомого священника, но бывшего видного и высшего служителя при дворе царского режима. И если этим я ввел власть на путь недоверия ко мне, то в этом я считаю себя погрешившим.

В газетной заметке о похоронах, появившейся в одной из вечерних № «Красной газеты» эта мысль не была затронута и я не упоминался вовсе, но похороны рассматривались исключительно как демонстрация «тихоновцев» против живоцерковников и обновленцев. И в этом было, конечно, много правды. / [18]

Что касается произносимых мною проповедей, то я всегда старался оттенить в них тот принцип, который уже высказал в статье «Новые пути Церкви». Это, гл[авным] об[разом] обнаружилось в тех проповедях, в которых я указывал на необходимость беспрекословного подчинения распоряжениям власти (о праздновании Р[ождества] Х[ристова]), в проповедях в Варшавской ц[еркви] 27/ХІІ (за всенощной и обедней), в проповеди 31 янв[аря] в Петро-Павл[овской] ц[еркви] села Александровского и др. местах**.

* Три предложения, со слова «Теперь» отчеркнуты в рукописи на полях вертикальной волнистой линией.

** Фраза вписана на полях с указанием места вставки.

Если мною и были допущены разные резкости, то исключительно по отношению обновленцев и живоцерковников. Но и об них упоминая, я постоянно указывал верующим на необходимость постом и молитвою — склонить их главарей к покаянию и единению с православными. Тысячи свидетелей живых являются в отношении правдивости моих слов. След[ователь] Макаров задавал мне вопрос о произнесенных мною проповедях: на погребении Дернова и за все-нощной 10 или 11 января с. г. в Сергиевском соборе, где я упоминал о какой-то новой прекрасной жизни или т. п., не помню точно сих выражений.

Между тем во всех этих намеках имелось в виду исключительно церковное возможное единение с отколовшимися с одной стороны, и укрепление православного дела после надвигавшихся на него бурь с другой стороны. В последней проповеди под бурею я имел в виду исключительно мой арест, о неизбежности и срочности которого обновленцы тогда распространяли всевозможные слухи. Но я верил, что и после этого Церковь, найдя свой истинный путь, выйдет на него как на новую для нее, не спорю, прекрасную, б[ыть] м[ожет], жизнь, т. е. вступит на тот путь, который сделает ненужным представителям ее прислушиваться к нелепым слухам об аресте ее руководителей, как лиц неблагонадежных. Хотелось и тогда думать за других так, и думалось о возможном выходе из создавшегося тупика. /[19]

Теперь мне хотелось сказать несколько слов о т[ак] н[азываемом] Спасском братстве, руководителем которого я был с марта 1920 года по август 1922 года официально. Это совпало с выходом моим из тюрьмы. О существовании братства правительство знало по процессу за № 833. Выпуская меня из-под стражи, без предъявления обвинения мне, суд[ебный] след[ователь] Ревтрибунала т[оварищ] Лютер вовсе не обязывал меня к закрытию братства. Но я сам пожелал это выполнить, т. е. иначе сказать, продолжал благотворительную и церковную деятельность в сем храме, в составе тех же членов братства, но без выявления ими тех обязанностей и целей организации, с которой они работали до этого, руководствуясь общим уставом для братств вообще. Работа продолжалась уже в узких рамках, носила характер случайный, кроме столовой для голодающих. Официальных собраний или бесед религиозных уже больше не имело, т. к. оно числило себя номинально работниками и кандидатами, сочувствовавшим целям нашей ц[ерковной] благотворительности. В таком виде, официально не имея ни предс[едателя], и др[угих] должностных лиц, т. к. официально оно умерло, оно продолжало работать совершенно открыто, как и раньше, не как братство, а как выявление добровольного христианского человеколюбия и практической церковной благотворительности (см. стр. 5–7). /[20]

Такая чисто церковная работа, продолжалась прихожанами, входившими в состав б[ывшего] братства, так и вне его работавшими в храме и в столовой вплоть до закрытия нашей Спасской ц[еркви]. Здесь само собой возникал вопрос о том, как быть дальше в смысле общения прихожан со своим пастырем, и в смысле его содержания. Бывшие члены Приход[ского] Совета церкви и «20» с моего ведома и согласия, предложили прихожанам для удобства молит-

венного общения со своим пастырем, разбиться на маленькие группы, к[оторые], собираясь на молебны с акафистами, могли бы тем самым удовлетворять свои религиозные нужды. Таким образом образовалось Никольское содружество, группа лиц, состоявшая из членов бывшего братства и прихожан ц[еркви]. Я посещал их молитвенные собрания, не превышавшие никогда числа нормально-го, согласно местных правил, т. е. 10–20 человек, исключительно для служения молебнов, акафистов и редко панихид, и после совершения треб, вскоре и уходил, мало касаясь их внутренней жизни. Такие собрания продолжались недолго. Наступило лето, многие разъехались и разошлись по работам, и оно потеряло свое значение, т. к. вскоре удалось некоторым из членов Спасского братства хлопотать себе Космо-Дамиановскую ц[ерковь], куда все мои прихожане и перешли. Здесь продолжалась та же работа церковная, как и в Спасской ц[еркви] (уборка / [21] храма, печение просфор, свечной ящик, чтение и пение во время богослужений).

С момента вступления мною в Космо-Дамиановскую ц[ерковь], в сане епископа, я еще более отдалился от своих прихожан и бывших членов братства, будучи занят службами, приемами и разъездами и служил в этой ц[еркви] сравнительно редко, больше всего по субботам ранние обедни. Так[им] обр[азом] духовная моя связь с братством бывшим все более и более ослабевала. И только многих из них, разбредшихся за время после закрытия Спасского братства, я увидел на чаепитии, кажется, 9 января с. г. у одной прихожанки К[осмо]-Дам[иановской] ц[еркви], по фамилии Бронгауз, б[ывшей] свечницы К[осмо]-Дамиановской ц[еркви], где были и просто прихожане наши. Посидев на этом чаепитии часа полтора, я ушел.

Считаю долгом напомнить, что на память себе о былом Спасском братстве, я получил через его бывших работников, золотой крест. Этот крест, как говорили мне все сидящие за столом, должен был мне как епископу, вышедшему из бедной мало кому известной Спасской ц[еркви], постоянно напоминать о том, как работал я с ними, моими милыми, бедными и не знатными, а простыми людьми на братской работе среди трудов по столовой и общего благотворения всем несчастным и нуждающимся. С того времени ни с кем из них на каких бы то ни было собраниях / [22] потому что их не было и не встречалось в них необходимости, не встречался, с большинством из прихожан, и в последующие дни, т. к. вскоре был арестован.

Что касается моего братства вообще, то оно по составу своему на три четверти состояло из лиц пролетарского происхождения, трудящихся и безработных, и в церковных кругах в сравнении с другими так и называлось — трудовым, пролетарским, демократическим, братство кухарок, как смеялись над ним те, кто отличал его от братства Захарьевского, которое в большинстве своих членов имело лиц бывшего высшего сословия, титулованных, известных, и которые назывались в противовес нашему «братством белой кости» (Спасское братство — черной кости).

На это я обращаю особенное внимание, т. к. это был общеизвестный церковный факт и явление в общеправославной жизни Ленинграда.

Что касается моего взгляда на братства вообще, то необходимо здесь иметь в виду самое развитие идей и учреждений. Первым братством считалось Заха-

рьевское, основанное еще в 1918 или 1919 г. А. И. Введенским. Затем такие же братства или братские организации имелись у прот[оиерея] Боярского, Платонова⁷⁹, Запольского⁸⁰ (В Сергиев[ском] Соборе), Раевского⁸¹ (основан умершим свящ[енником]. Ал. Волоцким), у свящ[енника] П. Кремлевского⁸² (ц[еркви] Мефодиевской на Советском проспекте), свящ[енника] И. Чокоя — Вознесенское, свящ[енника] Заборовского⁸³ и др. Но все они преследовали именно / [23] исключительно церковную деятельность, далеко от политической. Некоторые из них (свящ[енника] Заборовского, напр[имер]) не будучи даже в этом смысле слова братствами, широко проводили церковную благотворительность. И у последнего, как и в Спасском братстве, трудовой элемент преобладал всегда.

Исходя из тех положений, что братства в жизни церковной в общем масштабе не привились, что со стороны епархиальной власти в этом отношении никогда не делалось никаких давлений, что в общей массе духовенство на них смотрело враждебно, что они привились только почти у пастырей с прогрессивным направлением, нельзя делать вывода, что они служили или считались центрами на которые международная буржуазия или белогвардейские элементы внутри самой страны могли бы рассчитывать в своих преступных замыслах против существующего государственного строя. Это еще тем более, что братское дело и в России совершенно не привилось, а в настоящее время работа тех из них, которые не закрылись, если и ведется, то она в общем церковном масштабе церк[овной] деятельности совершенно растворяется (зачеркнуто: как единицы, тонут в общем фоне церковной жизни). Пишу об этом потому, что вопросы след[ователей] Тучкова и Макарова (от 5-го ф[евраля] и 11 марта) заставляют меня высказать свой взгляд на это церковное явление вообще. / [24]

Что же касается тех расписок, которые были найдены при обыске у Н. Н. Полякова, в получении якобы от имени «Спасского братства» денежных пособий к Рождественским праздникам, то: 1) не на всех из них имелись эти слова «от Спасского братства»; 2) ни одна из них не подписана казначеем братства (а существование такого должностного лица в каждой организации — само собой), а подпись гласила «свечница», и то не на всех, а на некоторых даже и этой надписи не было. Все это указывает на то, что пособия выдавались не одним лицом, а несколькими. Наконец, ни на одной из них не упоминается, что пособия сие выдается с благословения руководителя братства, т. е. моего. Наоборот, я потом только, числа 15 янв[аря], узнал в церкви Успенской, после ранней обедни о том, что выдано пособий из свечного ящика разным нуждающимся прихожанам, бедным и нескольким из безместного духовенства местного района. Про фамилии, количество суммы, к[оторые] выдавались кому-либо, ничего не знал, и все делалось без моего ведома. Я знал сумму выданных нек[оторых] пособий, кажется, от 30—320 рублей. И все. Но по рассмотрении сих расписок, показанных мне 5 февр[аля] т[оварищем] Тучковым, выяснилось, что большинство из получивших сии пособия, состояли из лиц действительно нуждавшихся, [слово неразборчиво], и из лиц несомненно пролетарского происхождения, безработных, бывших членов нашего Спасского братства. Наше братство всегда имело обычай на праздники Св. Пасхи и Р[ождества] Х[ристов]а выдавать пособия. На Спасской ц[еркви] это происходило под моим непосредственным руководством,

а здесь было сделано все помимо меня: и совершенно / [25] правильно, т. к. фактически и братства не было, не было и их руководителя духовного. По получению епископского звания я даже отошел от них в исполнении обязанностей духовных, предоставив прихожанам самим избирать таковых по личному желанию. А что бывшие члены братства называли себя братчиками или братчицами (сестрами), это делалось по привычке. Ведь изо дня в день я на Спасской [церкви] встречался с ними в течении почти четырех лет за ежедневными службами, и эта привычка часто и у меня проявлялась в том, что я называл их братчицами, или эту дружную духовную семью — братством. Это бывшее Спасское братство представляет из себя превосходный материал для той христианской общины, которая имеется в виду в моей статье «Новые пути Церкви», в бывшей массе своей и по сейчас состоящего из трудового и пролетарского и наполовину нуждающегося элемента. Новые пути таковым пришлось бы по душе, уже потому, что в лице своего духовного руководителя они всегда видели служение нуждающимся и трудящимся, заботу о бедных, голодных и больных, заботу о приискании мест безработным, заботу о том, чтобы старых и беспомощных из них не оставить на зиму без топлива (Марфа Сорокина и др.), чтобы у всех был уютный и теплый угол.

12 марта 1924 года* / [26]

Необходимо еще здесь указать и на мое отношение к свечному заводу «Красный пламень», арендованному Л. Д. Аксеновым. Никакого прямого касательства к нему я не имел никогда, и если и вел Аксенов со мною переговоры на тему о широком сбыте свечей его завода, то это, как обнаружилось показаниями, этим и ограничилось, т. к. никаких циркуляров или письменных просьб или устных настоятельных просьб я по церквам не проводил и нигде не рекомендовал свечи Аксеновские с принуждением. Это могут подтвердить многие священники и церковные старосты. Я говорил о свечах Аксенова, помню, 19 декабря у св[ященника] Финикова, настоятеля церкви Николы Трунницы по Ленинградской стороне, говорил о свечах старосте Рождественской церкви, Лазареву, но какие результаты моих слов были, не знаю. Свечной завод рассматривал как предприятие частное, но с большим машинным делом, к[оторое] вследствие кризиса с восковыми свечами этого завода, рисковало идти на постепенное разрушение, и только из этих соображений я иногда рекомендовал духовенству и старостам поддержать его. Но лично в делах завода не был совершенно заинтересован, это доказывается и тем, что я никогда не бывал в его помещениях, мастерских, кроме конторы, куда пришел в начале октября, когда с Аксеновым в квартире служащего за чаепитием имел разговор. С того времени я на заводе более и не был. Припоминаю, что Аксенов у меня был, кажется, 6 октября, утром. / [27]

Он попал в тот момент, когда я собирался ехать в ГПУ по церковным делам, желая представиться должностным лицам церковного отдела. Я торопился и уже никого не принимал, так что он пробыл всего, м[ожет] б[ыть], минут 5–10.

Что касается моих личных доходов, то об этом я неоднократно указывал в предыдущих страницах. Три мои поездки в Москву в сентябре, ноябре и декабре 1923 года всегда осложнялись безденежьем. В первых двух, насколько я припомни-

* Дата вставлена на полях в конце абзаца.

наю, помогли мне: в первой М. Ф. Лотоцкая⁸⁴, предоставив мне безусловно один червонец, и мелочью уже на вокзале, приблизительно около 1/2 или 3/4 червонца, кажется, еще дал мне брат Андрей⁸⁵ один червонец (деньгами, как будто бы), затем из К[осмы]-Дамианской ц[еркви] я получил один червонец, и деньгами около двух, сумма из церкви была мне выдана в счет жалованья за сентябрь и октябрь. Во второй поездке помогла мне церковь и у меня лично на руках тогда имелось приблизительно около червонца. На третью поездку (неожиданно собрался) денег у меня не было. Сунулся к некоторым знакомым, но денег не оказалось; тогда просил у брата Павла устроить это. Он дал 15 долларов. Были ли это деньги лично его или он занял, в первое время я не интересовался, т. к. знал, что обязан ему вернуть приблизительно по курсу 3 червонца. Один червонец я ему возвратил. Деньги эти, кажется были его, ибо он как-то обменял сов. знаки денежные на доллары, которыми меня и / [28] выручили. Я не имел таких лиц среди знакомых или прихожан, к которым мог бы обратиться с просьбой о деньгах, будучи уверен, что мне не откажут. Я, можно сказать, всегда был без денег. Долги, небольшие хотя, и сейчас еще остались за мною. Это объяснялось тем, что я получал за службы из церкви — не всегда, иногда позже службы, уже с падением валюты, часто вовсе не получал, ведь эти деньги были всегда добровольным приношением своему епископу на его личные расходы. Часто приходилось ездить на извозчиках на службу, оплачивая их из собственных средств. Поэтому, ставить вопрос о 15 долларах в какую-либо связь с существованием какой-то материальной моей помощи извне Сов[етской] России или в этом роде невозможно. Сама логика фактов окружающих говорила совсем о другом.

Наконец, продажа и наличие иностранной валюты в настоящее время не может уже рассматриваться как явление противоправительственное, тем более в такой незначительной сумме, как эти несчастные 15 долларов.

Я решительно заявляю, я ни кого не пользовался материальной поддержкой, ни от кого не зависел в материальном положении, как исключительно от церкви, которое, и то не всегда, поддерживало меня чрез своих прихожан, дававших мне за службы деньги на расходы. Это могли бы подтвердить те церкви, в которых я служил. А в домашней нашей жизни мы с братом Андреем жили очень скромно, т. к. жалованья его не хватало иногда на удовлетворение необходимого. / [29]

Заканчивая свои показания по вопросам личной своей жизни и отношений к окружающим, считаю своим нравственным долгом сказать еще след[ующее]: об моих отношениях непосредственных к Советской власти. Я заявляю и подтверждаю, что никогда не был врагом Сов[етской] власти, и никогда никого из окружающих и духовенства (за период моего епископства) ни сознательно, ни бессознательно не направлял или вооружал против власти, стараясь во всех случаях проводить тот принцип, что христиане обязаны признавать существующий государственный строй и исполнять все его распоряжения. Это всегда могли бы подтвердить и священники.

После смерти отца своего, когда я приехал из Олонецкой губ., я тотчас поступил на Библиотечные курсы в институт Внешкольного образования (На-

деждинская, кажется, 37), а по закончании их получил место библиотекаря во Всерос[сийском] Центр[альном] Педагогическом музее (ул. Халтурина, 1), где служил в должности старшего библиотекаря вплоть до конца января 1921 г., когда был уволен, как служитель культа, по декрету Совнаркома. На вечерние часы я служил библиотекарем Центральной библиотеки I-го городского района (Стремянная, 10), где заведывал отдел Социологии и др. научными / [30] дисциплинами; оттуда ушел приблизительно в феврале 1921 года по той же причине, как из музея. Тотчас же я попал на новую Сов[етскую] службу — конторщиком администрат[ивной] службы Управления Мурманской ж[елезной] д[ороги], где прослужил до 1 янв[аря] 1922 г., когда по сокращению штатов, был как служитель культа уволен. С того времени, ввиду усилившейся безработицы и повсеместного сокращения штатов я уже нигде поступить не мог.

На первых же днях своего приезда из Москвы в сане епископа я посчитал своим нравственным долгом, пойти навстречу местным властям. Побывал в Смольном, в церковном отделе, был у прокурора, был в местном райисполкоме (пр[оспект] 25 Окт[ября], ул. Фонтанка) и посетил 6 октября ГПУ. Имел там собеседование с т[оварищем] Коршуновым, которому и выдал обязательство, которое я нерушимо старался соблюдать и, кажется, нигде не нарушил. Я шел всячески навстречу, я искал способов доверия, но еще тогда очевидно не подошел к ним так, как это было нужно. Но ведь я не скрывался от власти, я работал открыто. Во всех газетах местных, где в церковной хронике встречалось мое имя, нигде я не замечал какой-либо преднамеренной враждебности ко мне. И это меня успокаивало. Ходили в течение истекших месяцев / [31] моего епископского служения всевозможные нелепые слухи об неизбежности моего ареста, назначались в этих случаях и сроки и дни, но время проходило, и мне, казалось, что особенных проступков, очевидно, за мною не числится, раз власть еще терпит меня на свободе. И я не знал за собою таких поступков. Раз, я помню, группа прихожан Казанского собора, это было в конце ноября 23 года, во главе с Аристарховой приходила ко мне выяснять вопрос о пополнении новой «20» Собора группой лиц из старых прихожан. Я предложил им сходить в Смольный. Через несколько дней я вижу кого-то из них в церкви, и узнаю, что они были в Смольном у гг. Интина и Смирнова и что там им ответили, что «пока за еп[ископом] Мануилом ничего к[онтр]революционного у нас не замечено, можете начать свои хлопоты». Это, я помню, меня немного ободрило, т. к. это как раз совпало с отобраением Космо-Дамиановской ц[еркви] и передачею ее новой «20». Ободрило в этом отношении, что, по правде сказать, нелегко жить, когда слышишь все время разговоры об аресте.

Церковная жизнь шла своим чередом, намечалось у меня многое впереди, и вдруг наступили неожиданно черные дни для нашей родины. В Москве умирает тот, / [32] кто явился освободителем всех трудящихся в России от гнета капиталистического рабства и унижения человеческого⁸⁶. Мне, за всю свою жизнь

пережившему немало огорчений и оскорблений в былое время, было также тяжело ощущать эту утрату страны. И я вполне сознательно, в день похорон, когда именно эта скорбь более всего и ощущалась, пошел выразить свое личное соболезнование, как представитель Православной Церкви Ленинградской епархии, и просто как человек. Я сперва был в Смольном, но тт. Евдокимов и Комаров оттуда уже уехали (это было около 12 ч[асов] дня). Тогда мне комендант посоветовал проехать в I городской район. Но и там их не оказалось. Наконец, мне указали на уполномоченного (фамилии его не знаю) по процессии похоронной, который в дежурной комнате принял мое устное соболезнование и затем предложил кратко изложить письменно. Это было мною исполнено. Тогда он передал мое заявление стоявшему здесь корреспонденту и сказал: «Передать в Росту⁸⁷».

С облегченным чувством сознания исполненного долга, по отношению к главе Правительства и страны, по отношению к человеку, который заслужил несомненно от всех окружающих к себе внимания, я покинул помещение Района. В понедельник в утренней газете «Последние новости» — соболезнование мое было отпечатано на 2-ой стр[анице] ее⁸⁸. Тут же, через /[33] несколько дней, я был арестован.

Кончая свои показания, я хочу здесь сказать, что все, быть может, здесь недоговоренное, выявляется в поданном моем мнении — в декларации «Новые пути Церкви».

Я желаю искренно забыть все прошлое и поставить окончательную точку на все то, что послужило поводом и причиной моего ареста и начатого против меня следствия, и раскаиваюсь вполне искренно во всех тех своих поступках, оплошностях, словах (см. стр. 16–17) и т. д., которые косвенным образом послужили уликою и материалами в обвинении меня в к. революционных деяниях, даже с применением ко мне ст. 61 Угол[овного] Код[екса]. Я желал бы доказать Советской власти, что мое решение идти, хотя бы лично только, независимо от епархиального масштаба, по новому пути для достижения полного к себе доверия, как лояльного гражданина, не есть пустые слова, а искреннее и непреклонное желание, от которого ничто не заставит меня в будущем отступить. Но как и чем это доказать, как заставить убедить представителей власти, что это не пустые слова? Этот вопрос пусть решает сама Советская власть. Марта 13 дня 1924 года.

Мануил Лемишевский, епископ Лужский

Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской обл. Д. П–82582. Т. 2. Л. 311–327. Подлинник. Автограф карандашом.

№ 4

Заявление в ОГПУ епископа Манила (Лемешевского)

24 мая 1924 г.

Уполномоченному по церковным делам
Л. О. ГПУ т. Шибову 3 гр. СОЧ⁸⁹
Мануила (Виктора) Лемешевского
Епископа Лужского (ДПЗ⁹⁰ VI от[деления] 46 кам[ера])

Заявление.

Вот уже скоро 4 месяца моего предварительного заключения по делу № 202, а вопрос о моей участи до сих пор не разрешен. У меня есть основание предполагать, что дело, направленное уже в Москву для рассмотрения, в суд передано не будет, а потому я и прочие обвиняемые по указанному делу или будем совершенно освобождены от наказания, или же будем высланы.

Прекращение дела и полное освобождение из-под стражи дало бы мне возможность не на словах, а на деле приступить к реорганизации духовной жизни на началах моей декларации, переданной т. Макарову 27 марта.

Советская власть, врагом которой я никогда не был и не буду, тогда имела бы возможность убедиться в действительности моих намерений.

Я отлично сознаю, что старая дореволюционная церковная жизнь не соответствовала духу христианского учения, хорошо понимаю, что живоцерковное и обновленческое движение церковной жизни — результат уклонения русской православной церковной жизни от правильного христианского пути — являются протестом против этого уклонения. Но кроме того, я отлично сознаю, что и новые течения церковной жизни также уклонились от христианского пути. Мне, как служителю Церкви в сане епископа, больно и тяжело видеть и переживать указанные отклонения во всех течениях церковной жизни.

Поэтому целью моих стремлений, при осуществлении принципов моей декларации, было бы объединение современных церковных течений и направленные объединенной церковной жизни по новому пути.

Тогда все трудящиеся, все верующие увидели бы, что отделение Церкви от государства не только не противоречит духу христианского учения, но наоборот, вполне соответствует ему, т. к. подчиненная государству Церковь не может идти по христианскому пути, чему доказательством служит вся история всех народов. Тогда всему миру русская православная Церковь показала бы истинно христианский путь, наглядно оттенив уклонения от этого пути всех инославных христианских церквей. Тогда Рабоче-Крестьянское правительство убедилось бы в том, что служители истинно христианского учения не могут быть врагами трудящихся масс.

Вот исходя из чего я искренно желал бы послужить верующим народа, напавив церковную жизнь по новому пути.

Высылка же моя, не говоря уже о создании вокруг меня незаслуженного мною ореола мученичества в глазах верующих, отдалила бы проведение в цер-

ковную жизнь намечаемых мною принципов и, быть может, даже внесла бы еще больший раскол в эту жизнь.

Я, как церковнослужитель епископского сана, вышедший не из обособленной духовной касты, а из светской среды, более живо чувствую всю ненормальность в современной церковной жизни и более горячо принимаю это к сердцу, чем церковнослужители духовной касты, исторически воспитанные в духе раболепства перед светскими владыками мира.

Изложив это, я отдаюсь на суд власти, представляя ей разрешить, что лучше — освобождение меня из-под стражи или высылка, но во всяком случае независимо от ожидаемой меня участи, я убедительно прошу путем напечатания в газетах — оповестить верующее население о моей декларации, в которой набросаны вехи новых путей Церкви и о моем чистосердечном раскаянии перед Советской властью в тех проступках, кои послужили причиной моего ареста и которые, как я здесь определенно заявляю, не были направлены против власти трудящихся.

В случае предоставления мне права дальнейшей работы в Церкви, я считал бы своею священной обязанностью в проповедях заявлять верующим о моем раскаянии и разъяснять им ненормальную обстановку современной церковной жизни, послужившую поводом для предъявления ко мне обвинения в противоправительственных деяниях. Только эта ненормальная обстановка и создает процессы церковников, до сих пор непонявших обязанностей служителей христианской Церкви.

В случае, если дело по отношению ко мне будет прекращено, то я с своей стороны полагаю и надеюсь, что вместе со мной будут освобождены из-под стражи и те из привлеченных по делу, вина коих проистекала из моих поступков или тесно переплеталась с моей виной, и это последнее обстоятельство дало бы мне возможность с более спокойной совестью начать проведение намеченных мною мероприятий.

Прошу настоящее мое заявление в срочном порядке направить в Москву — для соответствующего распоряжения, если возможно, то по телеграфу за мой текущий счет, хранящийся в ДПЗ, за № 146 (по квит[анциям] № 8 и 536), в сумме 21 рубля зол[отом] списав с него стоимость телеграммы.

Мая 29 дня 1924 года.

Мануил (Лемишевский), епископ Лужский духовный руководитель
Православных приходов ленинградской епархии.

Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской обл. Д. П–82582. Т. 2. Подлинник. Автограф.

Примечания

¹ В следственных делах епископа Мануила 1922, 1924, 1927 гг. фамилия писалась «Лемешевский», таким же образом он подписывал и свои заявления, в приложенных ниже документах позднее установилось написание «Лемешевский».

² *Мануил (Лемешевский В. В.), митр.* Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 г. (включительно). Erlangen, 1979–1989. Т. 4. С. 263–288. Справка дается в сокращенном виде.

³ Иоанн (Снычев Иван Матвеевич; 1927–1995); митрополит Ленинградский (впоследствии — Санкт-Петербургский) и Ладужский с 20 июля 1990 г., постоянный член Священного Синода.

⁴ *Мануил (Лемешевский В. В.), митр.* Указ. соч. С. 272.

⁵ *Левитин А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. Kunsnacht (Schweiz): Institut Glaube in der 2. Welt, 1977; То же. М. : Крутицкое Патриаршее подворье; Kunsnacht (Schweiz) : Institut Glaube in der 2. Welt, 1996. Далее : *Левитин А, Шавров В.*, цит. по изд. 1996 г. К сожалению, данная работа не лишена многих фактических ошибок и требует обширного научного комментария.

⁶ *Левитин А., Шавров В.* Очерки... С. 5.

⁷ Кузнецов Аркадий Ильич (1899–1980), адвокат, церковный деятель.

⁸ См. : *Кузнецов А. И.* Обновленческий раскол в Русской Церкви // «Обновленческий» раскол : Материалы для церков.-ист. и канон. характеристики / Сост. И. В. Соловьев. М. : О-во любителей церков. Истории : Изд-во Крутицкого подворья, 2002. Ранее данная работа вышла под именем бывшего обновленческого епископа Сергия (Ларина).

⁹ *Краснов-Левитин А.* Лихие годы 1925–1941 : Воспоминания. Париж : YMCA-PRESS, 1977.

¹⁰ Там же. С. 117.

¹¹ Священномученик Вениамин (Казанский Василий Павлович; 1873 — 13.08.1922), митрополит Петроградский и Гдовский В 1922 г. арестован и осужден по «делу петроградского духовенства». Расстрелян.

¹² См. : *Антонов В. В.* Приходские братские братства в Петрограде (1920-е годы) // Минувшее: Исторический альманах. 15. М.; СПб. : Atheneum : Феникс, 1993. С. 432. К сожалению, автор не отметил того факта, что иеромонах Мануил, единственный из проходивших по данному делу подозреваемый, дал собственноручные показания, где и привел этот список.

¹³ Там же.

¹⁴ Николай (Ярушевич Борис Дорофеевич; 1891–1961), митрополит Крутицкий и Коломенский с 1947 г. Проповедник и богослов. 25.03.1922 хиротонисан во епископа Петергофского, викария Петроградской епархии. В феврале 1923 г. был выслан в г. Усть-Колом Зырянского края.

¹⁵ Санкт-Петербургская епархия в XX веке в свете архивных материалов 1917–1941 : Сб. документов / Сост. М. В. Шкаровский и Н. Ю. Черепенина. СПб. : Лики России, 1991. С. 88.

¹⁶ Красницкий Владимир Дмитриевич (1880–1936), священник, обновленческий «протопресвитер». С 1917 г. служил в соборе св. Князя Владимира Петрограда. В 1922 г. один из организаторов обновленческого раскола.

¹⁷ Боярский (Сегенюк) Александр Иванович (1855–09.09.1937), протоиерей, «митрополит». В 1911 г. рукоположен во иерея. Один из идеологов обновленческого раскола. Был запрещен в священнослужении священномучеником митрополитом Петроградским Вениамином. Член обновленческого Священного Синода. С 1933 г. обновленческий «епископ» Ивановский. С 1935 г. обновленческий «митрополит», управляющий Ивановской обновленческой митрополией. С 1936 г. в заключении в Ивановской тюрьме. Расстрелян

¹⁸ *Чельцов М. П., прот.* Когда отменили расстрел... (Письма к жене из заключения / Публ. В. В. Антонова // Минувшее : Исторический альманах. 24. СПб. : Atheneum; Феникс, 1998. С. 408.

¹⁹ *Левитин А., Шавров В.* Очерки... С. 355.

²⁰ Там же. С. 357.

²¹ Кузнецов А. И. Указ. соч. С. 377.

²² Прудников Михаил Кириллович (1850—1928), петроградский протоиерей.

²³ Аксенов Леонид Дмитриевич (1876 — 19.08.1937), активный участник церковно-общественной жизни Петрограда. Хорошо знал Патриарха Тихона, т. к. родился в г. Торопце. До 1917 г. работал в Управлении Св. Синода. Член Священного Собора 1917—1918 гг. С 1918 г. член Александро-Невского братства. В 1918—1922 гг. член епархиального совета при митрополите Петроградском Вениамине (Казанском). До 1924 г. арендатор фитильно-свечного государственного завода «Красное пламя» (бывшего епархиального свечного завода). В 1922 г. подвергался аресту по делу «Спасского братства». В 1924 г. был арестован вместе с епископом Мануилом, был приговорен к 3 годам заключения в Соловецком лагере особого назначения. С 1926 г. проживал в г. Любани. Арестован в 1932 г. и отправлен в лагерь. После освобождения проживал в г. Сольцы Новгородского округа. Арестован в 1937 г. Расстрелян.

²⁴ Чельцов М. П., *прот.* В чем причина церковной разрухи в 1920—1930 гг. / Публ. В. В. Антонова // Минувшее : Исторический альманах. 17. СПб. : Atheneum; Феникс, 1994. С. 425.

²⁵ Левитин А., Шавров В. Очерки... С. 361.

²⁶ Священномученик Михаил (Чельцов Михаил Павлович; 1870 — 7.01.1931), протоиерей. В 1919—1922 г. настоятель Троице-Измайловского собора в Петрограде, председатель епархиального совета. Неоднократно арестовывался: в 1918, 1919 (дважды), 1920 гг. В мае 1922 г. был арестован по делу «о сопротивлении изъятию церковных ценностей» (дело митрополита Вениамина). Был приговорен к расстрелу, позднее приговор ему (как и некоторым другим приговоренным) был заменен пятью годами заключения. В 1924—1930 гг. настоятель церкви Михаила Архангела (Малоколоменской) в Ленинграде. Был арестован в сентябре 1930 г. Приговорен к расстрелу. Расстрелян. Причислен к лику святых в 2005 г.

²⁷ Тучков Евгений Александрович (1892—1957), сотрудник ОГПУ—НКВД. В 1922—1929 гг. начальник 6-го отделения СО ГПУ — ОГПУ, к компетенции которого относилась борьба с религиозными организациями в СССР.

²⁸ Чельцов М. П., *прот.* Указ. соч. С. 425.

²⁹ Григорий (Чуков Николай Кириллович; 1870—1955), митрополит. В 1911—1918 гг. ректор Олонецкой духовной семинарии. В 1918 г. дважды арестовывался в Петрозаводске, после второго ареста был выслан из Олонецкой губернии, переехал в Петроград. С 1920 г. настоятель (протоиерей) Казанского собора. В 1920 г. был избран ректором Петроградского богословского института. В 1922 г. арестован по делу митрополита Вениамина. Приговорен к расстрелу, который был заменен пятью годами заключения. 30.11.1923 освобожден. Неоднократно арестовывался. 14.10.1942 хиротонисан во епископа Саратовского. С 7.09.1945 митрополит Ленинградский и Новгородский.

³⁰ Венедикт (Плотников Виктор Васильевич; 1872—16.08.1937), архиепископ. 28.08.1920 хиротонисан во епископа Кронштадтского, викария Петроградской епархии. В 1922 г. арестован по делу митрополита Вениамина. Приговорен к расстрелу, который был заменен пятью годами заключения. 30.11.1923 освобожден. С 1936 г. архиепископ Казанский и Свияжский. 28.02.1937 арестован в Казани, приговорен к высшей мере наказания и расстрелян в Ленинграде.

³¹ Чуков Николай, *прот.* Один год моей жизни. Страницы из дневника / Публ. В. Антонова // Минувшее : Исторический альманах. 15. М.; СПб. : Atheneum; Феникс, 1993. С. 531.

³² Там же.

³³ Чельцов М. П., *прот.* Указ. соч. С. 426.

³⁴ Владыка Венедикт был освобожден из петроградской тюрьмы по амнистии 30.11.1923.

³⁵ Чельцов М. П., *прот.* Указ. соч. С. 426.

³⁶ Введенский Александр Иванович (1889—1946), протоиерей, обновленческий «митрополит». Настоятель церкви свв. Захария и Елизаветы в Петрограде. Один из инициаторов и идеологов обновленческого раскола. Участник всех обновленческих лжесоборов. В 1923 г. «рукоположен» обновленцами в сан «епископа Крутицкого, викария Московской епархии». Постоянный член обновленческого Священного Синода. С 1924 г. «митрополит-благовестник». С 1940 г. «заместитель обновленческого первоиерарха», с 1941 г. «первоиерарх» «Православной

Церкви» в СССР. «Воспринял сан Патриарха», повелев посадить себя на антиминс. Вскоре отменил свое «патриаршество», оставив за собой лишь титул «Святейший и Блаженнейший Первоиерарх Московский и Православной Церкви в СССР». Скончался вне общения с Православной Церковью.

³⁷ «Обновленческий» раскол... С. 622.

³⁸ Там же. С. 620.

³⁹ *Левитин А., Шауров В.* Очерки... С. 369.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Красиков Петр Ананьевич (1870—1939), советский государственный деятель. С 1918 г. заместитель наркома юстиции, начальник V отдела НКЮ. С 1923 г. прокурор Верховного суда СССР. Редактор журнала «Революция и Церковь».

⁴³ *Левитин А., Шауров В.* Очерки... С. 369.

⁴⁴ *Чуков Н., прот.* Один год моей жизни. С. 533.

⁴⁵ Там же. С. 539.

⁴⁶ Там же. С. 563.

⁴⁷ Там же. С. 533.

⁴⁸ Статьи гласили: «67. Активные действия и активная борьба против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ответственных должностях при царском строе»; «69. Пропаганда и агитация, выражающаяся в призыве к свержению власти Советов путем насильственных или изменнических действий или путем активного или пассивного противодействия Рабоче-Крестьянскому Правительству, или массового невыполнения возлагаемых на граждан воинской или налоговых повинностей»; «73. Измышление и распространение в контрреволюционных целях ложных слухов или непроверенных сведений, могущих вызвать общественную панику, возбудить недоверие к власти или дискредитировать ее».

⁴⁹ Из проходивших по данному делу только трое обращались к следователю с письменными заявлениями, один арестованный, ссылаясь на преклонный возраст и тяжелую болезнь, просил его отпустить домой для лечения. Второй — арестованный Л. Д. Аксенов, как грамотный юрист, писал жалобы на произвол при его задержании, доказывал на основании статей существовавшего того Уголовного кодекса незаконность своего задержания и нарушение своих прав.

⁵⁰ *Левитин-Краснов А. Э.* «Рук Твоих жар» (1941—1956). Тель-Авив : Крут, 1979. С. 108, 109.

⁵¹ <http://ru.wikipedia.org/wiki>

⁵² Ленинградское отделение Государственного политического управления.

⁵³ То есть на имя Председателя ЦИК СССР М. И. Калинина. Калинин Михаил Иванович (1875—1946), Председатель ВЦИК с 1919 г.

⁵⁴ V Отдел НКЮ — отдел Народного комиссариата юстиции (сначала VIII отдел, затем V) создан 9 мая 1918 г., назван по предложению его заведующего и бессменного руководителя П. А. Красикова «Отделом по проведению в жизнь декрета об отделении Церкви от государства». Формально отдел занимался разъяснительной правовой работой по всем вопросам, связанным с воплощением декрета в жизнь, издавал антирелигиозную литературу. В действительности же ни о каком сохранении чье-либо права или законности в Отделе не осуществлялось, он был задуман и создан как ударный штаб по разгрому Русской Православной Церкви и по борьбе с религией, поэтому и получил название «ликвидационный».

⁵⁵ Мк 12. 17.

⁵⁶ Здесь епископ Мануил повторяет все обвинения советской власти к Церкви, которые пропагандировались на протяжении существования советской власти, для оправдания гонений на верующих.

⁵⁷ «20» — двадцатка. Согласно постановлению советской власти, церкви и все культовые здания передавались в пользование верующих, если поступало заявление двадцати граждан, согласных взять под свою ответственность сохранность зданий и их имущества, которые должны были играть основную роль в приходской жизни церкви, позднее власть использовала их для контроля над прихожанами.

⁵⁸ Имеется в виду срок возглавления Русской Церковью Патриархом Тихоном, исключая период нахождения его в заключении.

⁵⁹ Имеется в виду «Заявление Святейшего Патриарха Тихона в Верховный Суд РСФСР» от 16.06.1923 (см. : Акты... С. 280–281).

⁶⁰ Белков Евгений Христофорович (1882–1930), бывший священник, обновленческий «епископ» Союза церковного возрождения. До Октябрьской революции беллетрист, писал рассказы из быта духовенства под псевдонимом «Х. Томашевский». Священник с 1917 г. До января 1923 г. служил в храме Елизаветы и Захария в Петрограде. В 1917 г. один из организаторов кооперативного издательства «Соборный разум», член одноименного общества. С 1922 г. один из руководителей обновленческого движения. В 1923 г. был отлучен от Церкви в числе руководителей раскола митрополитом Вениамином (Казанским). В 1922 г. член ЦК группы «Живая Церковь». С декабря 1922 г. создал и возглавил самостоятельную обновленческую группу «Союз религиозно-трудовых общин», издавал журнал «Соборный разум». Осенью 1923 г. «хиротонисан» епископом Антонином (Грановским) во «епископа», порвал с синодальным течением в обновленчестве. Призывал к радикальным церковным реформам: обязательности соединения религиозной жизни с общественно-полезным трудом, введение русского языка при богослужении, введение вместо богословских институтов и академий общинного самообразования о опытного изучения первоисточников христианства и т. д. В марте 1925 г. ушел из «Союза религиозно-трудовых общин», который вскоре распался. В дальнейшем проживал в Ленинграде, но не служил.

⁶¹ Вероятно, здесь епископ Мануил намекает на самого себя.

⁶² Мф 18. 17.

⁶³ Рим 13. 1.

⁶⁴ Макаров, следовательно, проводивший следствие по делу епископа Мануила в 1924 г.

⁶⁵ Ст. 61 Уголовного Кодекса РСФСР гласила: «Участие в организации или содействие организации действующей в направлении помощи международной буржуазии, указанной в ст. 57 Уголовного Кодекса, карается теми же наказаниями. (Ст. 57. Контрреволюционным признается всякое действие, направленное на свержение завоеванной пролетарской революцией власти рабоче-крестьянских Советов и существующего на основании Конституции РСФСР Рабоче-Крестьянского Правительства, а также действия в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализму коммунистической системы собственности и стремится к ее свержению путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы и т. п. средствами.)»

⁶⁶ Спасское братство — братство, организованное при Спасской церкви в Петрограде, в которой служил епископ Мануил, возглавлявший братство.

⁶⁷ Дернов Александр Александрович (1857 — 12.10.1923), протопресвитер. С 1915 г. заведующий придворным духовенством и протопресвитер соборов Зимнего дворца и московского Благовещенского. После революции служил в Петрограде. В 1922 г. был арестован по делу митрополита Вениамина (Казанского), но был отпущен по ходатайству А. И. Введенского, но категорически отказался от сотрудничества с обновленцами. На похороны протопресвитера Александра собралось все петроградское духовенство, пришли и обновленцы, но их верующие не допустили в храм. В «Красной газете» была помещена следующая заметка:

**«Среди церковников
„Смертельная” ненависть**

Умерший на днях б[ывший] протопресвитер Дернов завещал, чтобы к гробу не подпускали никого из обновленческого духовенства, как еретиков. В связи с тем из церкви, где происходило отпевание, пришлось удалиться многим священникам, пришедшим проститься с покойным». (Красная газета, вечерний выпуск. 1923. Четверг. 25 окт. № 255 (336).)

⁶⁸ Львов Владимир Николаевич (1872–20.09.1930), российский политический и государственный деятель. Депутат III и IV Государственных Дум, председатель комиссии по делам Православной Церкви. 02.03–24.17.1917 обер прокурор Св. Синода. В 1917 г. участник корниловского мятежа Член Св. Собора 1917–1918 гг. В 1920–1922 гг. в эмиграции. После возвращения в Россию примкнул к группе «Живая Церковь», член обновленческого высшего церковного

управления. В 1927 г. арестован, выслан в Томск, где остался после заключения. Затем вновь был арестован и умер в Томской тюремной больнице.

⁶⁹ Киприан (Комаровский Константин Станиславович; 1876 — 11.12.1937), архиепископ. В 1911 г. хиротонисан во епископа Семипалатинского, викария Омской епархии. В 1922—1925 гг. в заключении. С 1925 г. епископ Владивостокский. С 1927 г. архиепископ Нижнеудинский. В 1929 г. арестован, после освобождения уволен на покой. С 1932 г. архиепископ Ижевский и Златоустовский, с 1934 г. архиепископ Вятский. Арестован в 1937 г. Расстрелян.

⁷⁰ Бычков Сергей Иванович (впоследствии епископ Симеон) (1882—1952), протоиерей. В 1912 г. рукоположен во иерея. В 1920—1922 гг. член Общества православных приходов Петрограда, в 1922 г. арестован по «делу митрополита Петроградского Вениамина (Казанского)», осужден на 3 года строгой изоляции. В 1923 г. освобожден из тюрьмы, служил в церкви првв. Симеона и Анны в Петрограде. В 1929 г. арестован и сослан в Северный край. В 1937—1938 гг. служил в Спасо-Парголовской церкви под Ленинградом, затем находился за штатом, с 1941 г. вновь служил в той же церкви. В 1947 г. хиротонисан во епископа Лужского, викария Ленинградской епархии. В 1948—1952 г. ректор Ленинградской духовной академии и духовной семинарии.

⁷¹ Имеются в виду члены Спасского братства.

⁷² В 1922 г. во время процесса «по делу митрополита Петроградского Вениамина (Казанского)» по доносу обновленцев было начато дело о православных братствах в Петрограде. Об этом процессе см.: *Антонов В. В.* Приходские православные братства в Петрограде (1920-е годы) // *Минувшее: Исторический альманах*. 15. М., СПб.: Atheneum; Феникс, 1993. С. 424—445 (Со ссылкой на Архив Управления Министерства безопасности РФ по Санкт-Петербургу. Д. 20682). К сожалению, автор статьи не обратил внимания на один факт. Единственным последственным, который собственноручно дал показания, был иеромонах Мануил. Он привел полный список петроградских братств с указанием их руководителей, хотя почти треть братств не входило общебратский союз, возглавляемый А. И. Введенским (секретарем был иеромонах Мануил). Спасское братство возглавлял иеромонах Мануил. В числе подозреваемых были епископы Иннокентий (Ястребов), Николай (Ярушевич). Дело «о принадлежности к нелегально организованному братству» не получилось. Вскоре все арестованные были освобождены под подписку о невыезде. Однако в начале 1923 г. дело было пересмотрено, и епископа Иннокентия (Тихонова) и нескольких других братчиков выслали из Петрограда.

⁷³ Поляков Николай Николаевич (1878 — после 1927), бывший полковник. До революции служил в армии. В 1920—1922 гг. служил на железной дороге. С 1923 г. был без работы. Проходил в 1924 г. по одному делу с епископом Мануилом, осужден к трем годам заключения в Соловецком лагере особого назначения. В 1927 г. был освобожден из лагеря и отбыл в г. Воронеж. В 1930 г. вновь арестован по церковному делу и приговорен к 10 годам лагерей. Дальнейшая судьба неизвестна.

⁷⁴ Имеется в виду книга: *Гидулянов П. В.* Отделение Церкви от государства. Полный сборник декретов РСФСР и СССР, инструкций, циркуляров и т. д. с разъяснениями V отд. НКЮста РСФСР / Под. ред. П. А. Красикова, прокурора Верховного суда СССР. 2-е изд., вновь перераб. и доп. узаконениями и распоряжениями по 1-е окт. 1924 г. М.: Юрид. изд-во НКЮста РСФСР, 1924 (первое издание вышло в 1923 г.).

⁷⁵ Красикова епископ Мануил посетил в ноябре 1923 г., а арестован был только в феврале 1924 г., что противоречит воспоминанию Левитина и Краснова: «В конце января 1924 г. епископ Мануил прибыл в Москву и явился к Тучкову для переговоров о делах Ленинградской (в то время это была еще Петроградской. — *Публ.*) епархии. [...] Он зашел затем в Наркомат юстиции [...] и принес жалобу на ГПУ. Красиков, работник Наркомюста, заведовавший церковными делами, внимательно выслушал владыку, успокоил, поблагодарил за то, что обратился в Наркомат, и обещал принять меры. В тот же день епископ Мануил вернулся в Ленинград (Петроград. — *Публ.*). Через два дня в Ленинград выехал также Тучков. 2 февраля 1924 г. им был арестован епископ Мануил и около сотни человек, которым приписывалось участие в тайной организации» (*Левитин...Указ. соч.* С. 369). Но, судя по следственному делу, причина ареста была в другом. После посещения Красикова прошло более трех месяцев, по делу

проходило чуть более 40 человек. Большинство из них были представителями петроградских братств, с числе арестованных были: протоиерей Ф. Д. Филоненко, иеромонах Варлаам (Содердотский), будущий епископ Амвросий (Либин), в то время протоиерей, и почти все члены Спасского братства, которых, безусловно, епископ Мануил хорошо знал.

⁷⁶ Дмитриевский Иван Дмитриевич, протоиерей. До 1917 г. служил в Казанской церкви. В 1923 г. настоятель Николо-Богоявленского собора Петрограда. Был арестован в 1923 г., но вскоре освобожден.

⁷⁷ Чоккой Иван Иванович (1878–1962), протоиерей. В 1920–1924 гг. служил в Вознесенском соборе Петроград. В 1924 г. был арестован по одному делу с епископом Мануилом, приговорен к двум годам заключения в Соловецком лагере особого назначения. После освобождения служил регентом в ленинградских храмах. В 1933 г. выслан из Ленинграда. С 1946 г. служил в Спасо-Преображенском соборе Ленинграда, затем с 1958 г. настоятель Смоленской кладбищенской церкви. С 1960 г. за штатом.

⁷⁸ Ливанский Алексей Николаевич (1872–?), протоиерей. С 1916 г. настоятель Покровской церкви в Егерской слободе пос. Мариенбург близ Гатчины.

⁷⁹ Платонов Николай Федорович (1889–1942), протоиерей. С 1915 г. служил в Андреевском соборе, 1922–1938 гг. настоятель собора. В 1922 г. совратился в обновленческий раскол. В 1925 г. «хиротонисан во епископа Охтенского», с 1926 г. «архиепископ Гдовский», с 1934 г. «митрополит Ленинградский». В 1938 г. снял сан и отрекся от Бога, работал в музее религии и атеизма. Остался в блокадном Ленинграде. Перед смертью исповедовался и причастился в Николо-Богоявленском соборе.

⁸⁰ Запольский Евгений, протоиерей Петроградской епархии, в 1922 г. совратился в обновленческий раскол.

⁸¹ Раевский Павел Васильевич (1877–1940), протоиерей, обновленческий «митрополит». В 1915–1926 гг. настоятель Спасо-Бочаринской церкви. В 1922 г. совратился в обновленческий раскол. В 1927 г. «хиротонисан во епископа Кронштадтского». С 1927 г. «архиепископ». С 1929 г. «архиепископ Ялтинский». С 1936 г. «митрополит Ярославский». В 1938 г. уволен за штат.

⁸² Кремлевский (до 1897 г. — Шайтанов) Петр Магистрианович (1868–?), протоиерей. В 1902–1930 гг. настоятель церкви св. Мефодия на Суворовском проспекте. В 1922 г. был арестован как руководитель «Мефодиевского братства». В 1933 г. был арестован и приговорен к трем годам концлагеря. В 1935 г. служил в Николо-Богоявленском соборе. В 1935 г. выслан из Ленинграда в г. Тургай.

⁸³ Заборовский Иван Иванович (1881–?), протоиерей. Возглавлял религиозно-просветительское братство. В 1922 г. проходил по делу православных братств.

⁸⁴ Лотоцкая Мария Федоровна (1894–?), член Спасского братства. Была арестована в 1924 г. вместе с митрополитом Мануилом, приговорена к двум годам заключения в Соловецком лагере особого назначения.

⁸⁵ Лемешевский Андрей Викторович (1890–1942), брат митрополита Мануила. В 1923–1924 гг. член Спасского братства. Был арестован вместе с епископом Мануилом, приговорен к двум годам заключения в Соловецком лагере особого назначения. Скончался в ссылке.

⁸⁶ Имеется в виду В. И. Ленин.

⁸⁷ РОСТА — Российское телеграфное агентство.

⁸⁸ Имеется в виду заметка следующего содержания:

«Соболезнование церковных приходов

Как духовный руководитель приходов и причтов православной церкви в Ленинграде выражаю глубокое соболезнование Ленинградскому Губернскому Исполнительному Комитету по поводу незаменимой потери в лице почившего В. И. Ленина. *Мануил, епископ Лужский*». (Последние новости. 1924. Вторник. 29 января. № 4 (82). С. 2.)

⁸⁹ СОЧ — Секретная оперативная часть.

⁹⁰ ДПЗ — Дом предварительного заключения.

Ключевые слова: Патриарх, Русская Православная Церковь, советская власть, ВЧК, НКЮ, разведка.

THE PARTICIPATION OF BISHOP MANUEL (LEMESHEVSKY) IN THE DAMAGE OF THE RENOVATION MOVEMENT IN PETROGRAD

The publication covers the period of 1923–1924 when Bishop Manuel (Lemeshevsky) managed the Petrograd diocese. The author studies the role of this bishop in the damage of the renovation movement in the Russian Orthodox Church and uses the documents of the legal trial of 1924 about, to which bishop Manuel was brought. The publication by N. A. Krivosheeva, T. I. Koroleva.

Keywords: Patriarch, the Russian Orthodox Church, Soviet power, All-Russian Extraordinary Commission, commissariat, People's Commissariat of Justice.